

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владислав Крапивин

**ПЕРЕУЛОК
КАПИТАНА
ЛУХМАНОВА**

Владислав Петрович Крапивин
Переулоч капитана Лухманова
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9469576

Переулоч капитана Лухманова: Детская литература; Москва; 2013

ISBN 978-5-08-005131-9

Аннотация

Это роман о современных подростках, о том, как их жизнь чудесным образом переплетается с жизнью мальчишек первых послевоенных лет, чьи любимые герои, игры и увлечения – капитан Лухманов и «Тайный экипаж корабельщиков» – становятся для нынешних ребят такими же важными и необходимыми, как и для их сверстников из далекого 1946 г.

Эта книга и о преемственности поколений: о том, как традиции старших, их нравственные ценности помогают современным героям книги совершать поступки, требующие гражданской смелости, решительности и мужества.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Вступление. 1946	7
Королевская жоска	7
Чук	25
Пароль	36
Старая книга	48
Артист	65
Часть первая. Старинный почерк	73
Крещенские морозы	73
Горячая вода	84
Скоро будет весна	95
Капитан Лухманов	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Владислав Крапивин

Переулок капитана

Лухманова

© Крапивин В. П., 2013

© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 2013

© Борисов А. А., иллюстрации на переплете, 2013

© Оформление серии, послесловие. ОАО «Издательство
«Детская литература», 2013

* * *

B. Krasnitskiy

*Несгибаемому Командору Ларисе Крапивиной – в
знак нашей общей преданности парусам*

Вступление. 1946

Королевская жоска

– Не сердитесь, ваше величество, эта штучка вам совсем ни к чему. А мне нужна до зарезу, – сказал Костик.

Величество молчало. Потому что было деревянным. Костик нашел его осенью в городском логу, где лазил в поисках обрезков жести для самолета-вертушки. Жесть не нашел, зато увидел среди мусора шахматную фигуру с черным облезлым лаком и желтой шишечкой на точеной головке. Сразу видно – король. Небось не сладко оказаться на помойке, вдали от своих придворных. Костик пожалел короля, принес домой, отмыл, почистил и поселил на подоконнике. А в Новый год повесил на елку. Ветка слегка прогнулась: его величество был тяжеловат. Костик подумал, что у него в подставке, наверно, есть грузик – для устойчивости. Но тогда подумал мельком, а сегодня вспомнил, потому что грузик стал нужен для жоски.

Что такое жоска (или жостка), школьникам двадцать первого века неведомо. А в середине двадцатого знали все. Это кусочек овчины с расчесанными на стороны длинными ключьями шерсти и прицепленным к коже свинцовым грузиком. Во время игры жоску подбрасывают боковой стороной ступ-

ни, подхватывают башмаком, подбрасывают снова. Победитель – тот, кто сделает самое большое число ударов и дольше всех удержит жоску в воздухе, не уронив. Были чемпионы, которые ухитрились сделать полтысячи ударов.

Разумеется, учителя игру запрещали. И конечно, «принимали меры». Но храбрым пацанам девятнадцатой школы было «ништяк». Ну поставят за поведение вместо пятерки четверку! Ну вызовут мать или даже отца, если он у кого-то есть. Делов-то! Хуже всего, когда обшарят карманы и отберут жоску. Это потеря! Хорошая жоска – вещь ценная, сделать ее непросто. Надо, чтобы шерстяное обрамление было легким, но плотным, помогало жоске мягко планировать. А грузик следовало отрегулировать для ровности полета. Не у всех это получалось, но Костику казалось, что у него получится. Потому что... ну должно же у него в жизни хоть что-то получаться!

Так, по крайней мере, рассуждал про себя Костик Удальцов, ученик четвертого класса «А» местной семилетки с улицы Кулибина. Семилетка была мужской школой, и это требовало от каждого ученика прочности характера. А у Костика прочности было маловато. Храбростью не отличался, талантами в футбольных играх не блистал, драться не умел (то есть «почти что не умел»). И выразиться крепкими словами стеснялся. В общем, «тихая рыбка». Нельзя сказать, что его часто обижали, потому что не был ни жадиной, не ябедой. Но и всерьез не принимали.

Чтобы добиться уважения в суровой мужской среде, следовало обладать какими-то заметными способностями. Необязательно быть заядлым драчуном, но надо иметь за душой «что-то такое». Или ловко играть в «чику», или уметь бесстрашно ответить училке (то есть «чикле») на ее придирки, или не хуже старшеклассников дымить «бычками» за уборной. Или ловко играть в «жоску».

Когда увлечение такой игрой в школе «дошло до ручки», Костик подумал, что здесь он может добиться успеха и завоевать авторитет. Потому что однажды на перемене он попросил на минутку легонькую мохнатку у Валерки Петрущенко (добрая душа!) и попытался попинать ее, подражая опытным игрокам. И получилось! Сперва поддал ее четыре раза, а потом целых семь раз подряд! Для начала совсем неплохо. Конечно, не полтыщи ударов, как у чемпиона, шестиклассника Витьки Дутова, по кличке Дутик, но внушало какую-то надежду.

Костик подумал тогда, что, может быть, у него есть врожденные способности. Этакое умение рассчитывать удары и траекторию полета. А что! Например, бумажных голубков он делал очень умело, они летали лучше, чем у многих. И при игре в «обстенок» отлетавшие от кирпичной стенки пятаки всегда близко ложились у денежек других игроков. Жаль только, что осенью за этим делом накрыла Костика и других ребят чикла Елена Львовна и «накапала» бабушке Эльзе Яковлевне. После домашней вздрючки Костик играть в «об-

стенок» не решался (ну сказано же – не храбрец).

А за «жоску», даже если заметят, сильно не попадет. Это ведь не азартная игра на деньги, которая «рано или поздно приводит ребенка в колонию».

Если терпеливо тренироваться, можно стать чемпионом. И никто уже не вякнет, что Удальцов – «тихая рыбешка»...

Клок овчины для жоски Костик разыскал в кладовке. Там валялись меховые домашние туфли – «шубенки». Они были рваные и протоптанные насквозь, но отвороты с меховой оторочкой у них сохранились неплохо. Костик принес туфлю на кухню, к подоконнику, вырезал из нее кружок размером с пятак. Расчесал торчащие в стороны овчинные пряди. С удовольствием дунул на них – жоска зашевелила пушистыми «лапами», как медуза.

После этого Костик занялся «грузилом».

Он аккуратно (чтобы не обидеть «его величество») отодрал от шахматной подставки байковую накладку. Под ней, как и ожидалось, была спрятана в углублении свинцовая блямбочка размером с двухкопеечную денежку, только потолще. Костик колупнул ее ножиком, уронил на ладонь. В самый раз – по размеру и по весу. Потом крепким гвоздиком он пробил в свинце две дырки. Пропустил через них скобки из медной проволоки, прикрепил ими свинец к овчинной «медузе». Подкинул готовую жоску на уровень плеча. Она подлетела, распушила пряди и ровно спланировала на ладонь.

Костик выскочил в прихожую. Натянул там расхлябанные сапожки (без твердой обуви жоску не очень-то попинаешь), вернулся на кухню. Подбросил жоску снова и ударил кирзовою «щекой» правой ступни. Жоска взлетела плавно и по-лушно, как дрессированная.

«Умница!» Костик ударил снова. И опять удачно! Жоска аккуратно приземлилась на ногу. И снова, снова... Просторный сапожок бултыхался на тощей ноге, но это не мешало точности ударов. Костик подумал, что у него есть шансы сделаться... ну, если не чемпионом, то игроком не хуже других.

Эту победную мысль перебил хлопок наружной двери. Полундра! Наверняка пришла с рынка бабушка Эльза Яковлевна. Костик оглянулся: куда спрятать сокровище? В сумку нельзя: тетя Эля наверняка полезет в нее – проверить, не забыл ли он положить все учебники и тетради. Увидит жоску – ох что будет! «Ты связался со шпаной, которая развлекается хулиганскими играми!»

Нормальных карманов на легоньких штанах не было, а в тесный кармашек у пояса жоска не влезет... Костик в последний миг догадался – сунул жоску в просторное, как ведро, голенище. Встал навтыжку, будто солдат в ожидании генерала.

«Генерал» Эльза Яковлевна подозрительно глянула поверх очков.

– Ты почему это, голубчик, в сапогах?

– В школу собираюсь!

– Странно. Казалось бы, сначала надевают зимние штаны, а потом уже сапоги...

Костика осенила спасительная догадка.

– А я... я не хочу в зимних. На улице вон как тепло, я подумал, что можно в этих...

– По лету соскучился, – снисходительно заметила Эльза Яковлевна. – Ну что ж... Тогда надень другие чулки: у тебя на колене дырка.

Еще не легче! Станешь переодевать – увидит жоску!

– На других тоже дырки, – выкрутился Костик. – Еще больше...

– Ты вопиющий неряха! (выражение «вопиющий» было у нее любимым). Людмила Григорьевна не успевает штопать...

Людмила Григорьевна была еще одна бабушка – мамина мама. А Эльза Яковлевна – папина. Баба Люда отличалась простотой нрава и деревенскими привычками. А тетя Эля (но ни в коем случае не «баба Эля») до войны жила в Ленинграде, работала в какой-то библиотеке и вся была пропитана интеллигентностью. Она любила говорить: «Я образованная женщина и в любой ситуации знаю, как следует поступать». Бабушки не всегда ладили между собой, но в методах воспитания внука были единодушны. «Людмила Григорьевна, посмотрите, чтобы он не улизнул из угла, пока я хожу за линейкой...» – «Хорошо, Элечка... А ну стой на месте, греховодник!» Линейка была крепкая и несгибаемая, как харак-

тер Эльзы Яковлевны.

А мама воспитанием Костика не занималась. Она то и дело ездила с труппой Областной филармонии по ближним городам и селам, выступала с чтением стихов и рассказов. Ездил вместе с мамой и ее «очень добрый знакомый», по имени Эдуард Евгеньевич, «мастер эстрадных жанров». Ну что тут поделаешь? Отец погиб в сорок третьем, при наступлении на Киев, а маме, еще нестарой и симпатичной, хотелось мужского внимания. Костик был не младенец, понимал это. И баба Люда, ее мама, понимала: «Что же ей одинокой кукушкой век вековать...» Тетя Эля поджимала губы, но не спорила.

И Костик привык жить при «дваждыбабушкином режиме». Не всегда это было легко, но... приспособливался.

А в нынешние дни баба Люда уехала к своей знакомой в Падерино, и Эльза Яковлевна удвоила бдительность.

– Да, ты вопиющий оборванец! Дыра на дыре...

– Я заретуширую ногу в дырке коричневым карандашом...

– Ох, если бы кто-то заретушировал все дыры в моей несчастной жизни!.. Ты пообедал? Я оставляла тебе жареную картошку...

– Конечно, пообедал! – Костик поспешно натянул куцый ватничек и солдатскую шапку с завязанными на затылке ушами.

– А уроки сделал?

– Тетя Эля, ну какие уроки! Завтра уже каникулы!.. Ох, карандаша нет! В школе у кого-нибудь попрошу. Я пошел!

День в конце марта был удивительно теплым. У заборов лезли наружу травинки. Пролетела коричневая бабочка. «Зачем я надел шапку, надо было пилотку». Костик сдернул ушанку, замахал ею, ухватив за тесемки. Замаршировал веселее. Доски тротуара запружинили под сапогами, хлопнули по воде, потому что тротуар пересекал синюю лужу, в которую превратился вчерашний снег. От воды взлетел влажный воздух, цапнул прохладными пальцами за полоски голой кожи над чулками, обмахнул лицо. По луже разбежались солнечные зигзаги.

«Корабельное время, – подумал Костик Удальцов. – Пора...»

Отдельные кораблики любителей-флотоводцев уже и раньше появлялись на лужах, среди ноздреватого снега, но сейчас было ясно, что пришла настоящая парусная пора. Обширные разливы заполняли деревянные улицы от края до края. Понятно, что завтра, в первый день весенних каникул, на воду выйдут целые эскадры. Костик с удовольствием вспомнил кусок сосновой коры, припрятанный под крыльцом еще в февральские дни. Из него получится крепкий корабельный корпус.

До начала второй смены оставалось полчаса. На школьном дворе, между поленницей и длинным сараем, собрался десяток ребят из разных классов – четвертого, пятого, шестого. Развлекались жосками. Лохматые «медузы» разного цвета взлетали и падали, словно старались покрасоваться друг перед дружкой. Но это была лишь разминка. А через минуту шестиклассник Витька Дутов (Дутик), самый главный здесь человек, небрежно сказал:

– Ну чо, ребя, в «чемпионку»?

«Чемпионкой» называлась игра, когда один бьет по жоске, а остальные стоят кружком и считают: сколько раз игроку удастся поддать ее в воздух. Когда роняет, наступает время другого. Для игры выстраиваются в очередь. Впереди оказывается, как правило, Дутик, потому что постоянный чемпион и авторитет. За ним – те, кто решительней и нахальнее. Впрочем, не все занимали очередь. Те, у кого не было надежды на успех, стояли в сторонке или скромно поигрывали сами с собой, без претензий на чемпионское звание.

Костик, однако, сейчас занял очередь. Правда, оказался в конце: его отодвинул плечом решительный Витька Клонов из пятого «Б». Ну и ладно! Ожидающих оказалось всего-то пять человек.

Играть полагалось одной жоской, чтобы условия были равные. Поскольку начал игру Дутик, то и жоска оказалась его. Сумрачный, стриженный под машинку Дутик был боль-

шой и пухлый, на первый взгляд неуклюжий. Но с жоской управлялся, как артист. Мог ее подбросить ногой высоко-высоко, поймать на ботинок, лихо крутнувшись вокруг себя, ударить не только «щекой» ступни, но и пяткой, и носком... Жоска слушалась его, как намагниченная. Казалось, что Дутик не уронит ее никогда – будет посапывать и бить, бить, бить... Аж надоедало смотреть. Но сегодня Дутик проявил великодушие. После трехсотого удара он поймал жоску в воздухе.

– Устал... «„Кто следующий?“ – кричит заведующий».

Следующим был Борька Мокрушенко из Костикова класса. Тоже ничего игрок, но сейчас ему не повезло. Он ударил всего шестнадцать раз, и жоска по косо́й траектории улете́ла к поленнице. Там ее ухватил проворный шестиклассник Толька Ипатов, по прозвищу Штопор. Однако и у того игра не пошла, как ни вертелся. «Не с той ноги встал», – объяснил он. Другие, видать, тоже встали «не с той». Короче говоря, скоро подошла очередь Костика. Жоску снисходительно кинули ему, хотя понимали, что здесь глядеть будет не на что, – на то он и Удалец (прозвище не лихое, а с подначкой). Стукнет пару раз – и в сторону. Лучше бы уж не лез, «тихая рыбка»...

Костик сразу почувствовал общий настрой. Но гораздо сильнее почувял другое: он совершает измену. Да! Ведь в голенище лежала его собственная жоска – та, которую он смастерил недавно с такой любовью! А теперь он прычет ее от

остальных, чтобы пустили в общую игру. В этом было что-то бессовестное. Малодушное. И скверная примета. Чего доброго, его жоска не захочет теперь иметь с ним дела, не станет слушаться, как при первом испытании на кухне.

Костик скривил губы.

– Не буду. Чего-то ногу вдруг свело...

– Забзел Удалец! – хихикнул кто-то из ехидных зрителей.

– Сам ты... – буркнул Костик и с легкой хромотой шагнул в сторону. А жоску Дутика бросил хозяину. И в этот момент услышал:

– А можно тогда мне?...

Голос был несмелый. Не голос, а голосок.

Лишь сейчас Костик увидел среди окружавших незнакомого мальчишку. И даже заморгал: тот был словно его, Костика, отражение. С той же постоянной робостью на остром лице, с короткой растрепанной челкой, почти в такой же одежде. Даже заплатка на ватнике похожая. Только вместо сапожек были на незнакомце разношенные брезентовые ботинки, а военные пуговицы – не со звездами, а с якорями (это вызвало у Костика дополнительную симпатию).

– А можно мне? – повторил мальчик. Он смотрел нерешительно, однако без боязни.

Все пару секунд молчали.

– Уй ты, какой смелый шкет! – удивился Дутик слегка приблатненным тоном. – Откедова такой? Раньше не встре-

чали...

– Я недавно приехал... – разъяснил новичок прежним голоском.

Кто-то глупо захихикал.

«Дураки!» – подумал Костик. Он ненавидел такое вот идиотское хихиканье над незнакомыми пацанами. Человеку и так неловко, а тут еще эта ржачка...

– Издалека ли? – хмыкнул Штопор.

– Издалека, – сказал «шкет». Без колючести, но и без старания понравиться.

Это нежелание вдаваться в подробности раздосадовало Дутика.

– В этом вашем «издалека» играть-то умеют? – скривился он.

Мальчик сказал уже смелее:

– Ну, дай попробовать. Поглядим...

– Пробуют знаешь где... – ухмыльнулся Дутик. – Здесь игра, а для пробы своя жоска должна быть. Чужую трепать – жирно будет. Нету своей-то?

Мальчик пожал плечами. Ему полагалось бы сказать: «Под подушкой оставил» или «Завтра на грядке вырастет», но он поддернул на брезентовом ремне такую же, как у Костика, сумку, хлопнул по коленкам снятой ушанкой. Отошел подальше, прислонился спиной к торцам высокой поленницы. Стал смотреть вверх голов и смотрел так с полминуты. Потом глянул издалека на ребят и встретился глазами с Ко-

стиком.

Бывают случаи, когда все решается в одну секунду. Не опуская взгляда, Костик нагнулся, выхватил из голенища жоску и по высокой дуге пустил ее к новичку. И она полетела плавно и послушно. Мальчик уронил ушанку, вскинул руки и поймал жоску в ладони, как ручную птаху.

Он погладил ее, дунул на летучие пряди, с веселым пониманием глянул на Костика. Подбросил жоску и ударил по ней брезентовым башмаком.

«Раз... Два... Пять...» – заработал в Костике внутренний отсчет.

«Двенадцать... Двадцать два... Тридцать три»...

– Ни фига себе!.. – уважительно сказал кто-то среди зрителей.

Они теперь обступали новичка широкой дугой. А он «работал», ни на кого не глядя, ни на что не отвлекаясь, только однажды сбросил с плеча ремень сумки. Движения были точными и отработанными, но не механическими, а словно у танцора.

«Сто тридцать пять... Сто тридцать шесть...»

После каждого удара мальчик ставил ногу на землю для секундного отдыха. Дождался, когда жоска во взлете достигнет высшей точки, и снова вскидывал навстречу ей брезентовый ботинок с лохматым шнурком. Короткая штанина на бедре сбивалась назад, из нее выскакивала сиреневая резинка чулка с зажимом, на пряжке вспыхивала солнечная

искра, и потом казалось, что она какое-то время висит в воздухе. Вообще-то эти резинки считались «детсадовскими», за них поддразнивали, но сейчас никто и не подумал хихикнуть.

Жоска равномерно щелкала по ботинку.

– Сколько? – шепнул кто-то рядом с Костиком.

– Двести девяносто пять... – выдохнул Костик, в котором не останавливался счетчик.

Трехсотым ударом новичок послал жоску ввысь, крутнулся вокруг себя и поймал ее в растопыренные пальцы. Обвел всех блестящими глазами.

Все молчали, ожидая, что скажет Дутик.

Дутик был не дурак. Он вовсе не хотел выглядеть завистником. А может, ему и правда понравился незнакомый мальчишка. Дутик сказал:

– Ну ты герой! Где научился-то?

– Везде помаленьку...

– А полтыщи сможешь?

– Можно попробовать. Только не сейчас, вон звонок уже.

Тренькал колокольчик, им размахивала на крыльце техничка тетя Лиза. Мальчик глянул на Костика, ясно так. Протянул жоску.

– Вот... Спасибо...

Снова пришло моментальное решение.

– Не надо! – Костик согнул мальчишкины пальцы на жоске. – Возьми себе. Я сделаю еще.

Тот не стал отказываться. Снова сказал:

– Спасибо. – И погладил пушистые щупальца указательным пальцем. – Она как ручная...

Они опять встретились глазами. Костик спросил:

– Тебя в какой класс записали?

– В четвертый «А».

Это была судьба...

Потом судьба сделала еще один подарок. В начале первого урока Елена Львовна поставила новичка перед классом, рядом с собой, и сообщила:

– Вот вам еще один товарищ. По фамилии Федорчук... А как по имени?

– Валентин, – неохотно отозвался Федорчук.

Кто-то сразу захихикал. Идиоты!..

– Значит, Валя, – сделала вывод Елена Львовна. – Так?

– Ну... можно так, – согласился Федорчук.

Опять захихикали.

– Вот и хорошо... Куда же тебя посадить? Вон рядом с Удальцовым свободное место. Лукашин заболел, садись пока туда. А после посмотрим...

Федорчук весело завозился, устраиваясь на скамейке. Затолкал сумку под крышку на парте. Деловито шепнул:

– Поезд прибыл по расписанию...

– С приездом, – тем же тоном отозвался Костик. – А ты откуда приехал? Или здешний, только не из нашей школы?

– Я в разных местах жил. И здесь, и в других городах. А

до войны в Севастополе.

– Ух ты!..

– Но мы оттуда уехали сразу, как началась война. Отца и еще нескольких человек эвакуировали на здешнюю судоверфь, помогать в строительстве торпедных катеров.

– Вот это да!..

– Может, ты слышал про это строительство?

– Да про него все слышали, хотя считается, что военная тайна...

– Мой дядюшка говорил, что первый катер, который вошел в Севастопольские бухты, когда освобождали город, был здешней постройки.

– Вот этого я не слышал! Неужели правда?

– А почему бы и нет? Хотя кто знает, может, дядюшка и наплел. У него это бывает, когда малость заложит за воротник...

Федорчук замолчал, будто одернул себя: не слишком ли много сказал? Неловко сделалось.

Елена Львовна опять вмешалась вовремя:

– Если новичок будет с первой минуты болтать с соседом, добром это не кончится... Все достали тетради по арифметике. Небольшая самостоятельная работа.

– У-у-у! – привычно завыл четвертый «А». – Каникулы же завтра, четверть кончилась!..

– От того, что она кончилась, знания у вас не стали лучше. Марченко, Рамазанову и Райнису я с трудом натянула

четвертные тройки с минусом, поэтому нечего голосить...

Чук

Оказалось, что Костик Удальцов и Валька Федорчук похожи друг на друга не только снаружи, но и «внутри». У обоих был спокойный характер, оба любили книжки про корабли и не любили драться. Но Костик из-за этой нелюбви считался человеком смирным и даже боязливым, поэтому не раз терпел «доводилки» от одноклассников. («Удалец-молодец, вот пришел тебе капец!») А Валька за счет своей чемпионской игры в «жоску» сразу обрел авторитет.

Но главную известность и уважение четвероклассник Валька Федорчук заработал не из-за «жоски». Скоро выяснилось, что он – «человек из цирка».

Местный цирк выступал в родном городе только в теплое время – где-то с мая по октябрь. Когда приходили холода, он уезжал в города покрупнее: Свердловск, Омск, Челябинск, а то и совсем в дальние края. Дело в том, что в Турени здание цирка не годилось для зимних гастролей. Было оно деревянное. Обширное, с высоким куполом, солидным фасадом, но ветхое, щелястое, продуваемое всеми ветрами. Не для акробатов, одетых в спортивные костюмы, и не для танцовщиц на проволоке в их балетных юбочках. Да и зрители в такое неуютное время ёжились и пускали изо рта колечки пара. И все же у цирка было свое гордое название: «Туренский гос-

цирк». Фанерные метровые буквы этого названия гордо торчали над фасадом, а где-то с середины марта на заборах и афишных тумбах начинали пестреть афиши: они извещали о близком начале нового сезона.

Так было и весной сорок шестого года. Реклама, предчувствие праздника, звуки оркестра, который заранее начал репетиции в гулком дощатом пространстве, рассуждения о турнире по французской борьбе... Валька Федорчук (которого скоро все стали звать просто Чуком) тоже говорил иногда о цирковых делах, но как-то неохотно. Костик решил, что, наверно, это из-за дядюшки. Чук однажды обмолвился, будто дядюшка одно время работал в цирке, но что-то не сложилось. Впрочем, цирковые события случились ближе к лету. А до этого, ранней весной еще, появился ТЭК.

В первые же дни знакомства Костик немало узнал про Вальку Федорчука.

Судьба у Чука сложилась несладкая. До войны жил он с родителями в Севастополе. Мать умерла от туберкулеза, когда Валька был совсем малышом, отец работал на корабельном заводе. Одно время приглядывала за Валькой сестра матери, тетя Галя, но за год до войны вышла она замуж, уехала в Джанкой, а маленький Валька расставаться с отцом не захотел. Так и остались вдвоем. А в конце июля сорок первого года с завода в далекую Сибирь отправили группу специалистов. Там, вдали от всех морей и океанов, на речных судо-

верфях, начали выпуск торпедных катеров. Грузовые и пассажирские пароходы строили здесь с давних времен, а военными судами раньше не занимались, вот и стали нужны специалисты.

Валькин отец был хорошим специалистом – по профессии лекальщик. Плохого бы не послали. А еще учили, что в городе Турени есть у Максима Тарасовича Федорчука родственники – будет где приткнуться в неуютное военное время.

Родственниками были старший брат Максима Тарасовича Юрий и двоюродная тетка Анна Степановна – тетя Анюта, суровая на вид старуха.

Брат отца, Юрий Тарасович, по возрасту и здоровью для фронта не пригодился.

Чук нехотя сказал Костику:

– Так, всю жизнь подрабатывал где придется, мотался по разным местам. Иногда и меня брал с собой, тетка-то очень уж неласковая...

– А... твой папа? – нерешительно спросил Костик.

Они шепотом беседовали на уроке рисования.

– Он умер в сорок третьем году. Так же, как мать, от туберкулеза. А я застрял в этих краях... Так хочется обратно в Севастополь! Он, конечно, сейчас весь разрушенный, а мне снится без развалин, как до войны. Хотя я, конечно, почти не помню...

Говорил Чук спокойно, только смотрел не на Костика, а в окно.

Костик подумал, что жизнь его чем-то похожа на жизнь Чука. Существование было тоже почти сиротское. Постоянно без матери, с двумя «твердокаменными» бабушками...

– Ты вернешься, – утешил Костик Чука. – Подрастешь, станешь самостоятельный и уедешь...

– Ага... – не отворачиваясь от окна, шепнул Чук.

А Костик подумал, что пусть Чук вырастет не очень быстро. Не хотелось расставаться...

После уроков Чук сказал:

– Пошли в кинушку. Ты смотрел «Иван Никулин, русский матрос»? Там про моряков и Севастополь...

Костик не смотрел. Но...

– Денег нету на билет.

– Пойдем, там тетя Аня работает контролером, пропустит...

И тетя Аня пропустила, хотя и недовольно покачала головой. Велела своей помощнице-девчонке:

– Посади их на полу у печки...

И девчонка проводила ребят к теплой печке сбоку от запасного выхода. Там было хорошо так, уютно...

Фильм оказался замечательный! Чук видел его уже третий раз, но все равно смотрел затаив дыхание. А про Костика и говорить нечего...

Когда шли обратно, Костик сказал:

– Жаль только, что грустный конец.

– Зато как мчались на врага наши катера! – возразил Чук.

Помолчал и добавил: – Вот такие и строил отец... Торпедоносцы...

Костик промолчал. В его семье никто не строил катера-торпедоносцы.

И Чук неловко сказал:

– Кось, я, кажется, зря похвастался. Не сердись...

– Я ни капельки не сержусь. То есть ты ни капельки не похвастался...

– Давай зайдем ко мне. Я покажу свой альбом с кораблями.

– Ты рисуешь?!

– Не-е. Вырезаю из журналов и наклеиваю...

– Пошли! – обрадовался Костик, хотя внутри грызла тревога: ох и влетит ему дома за позднее возвращение!

Бабка Анята, у которой жили Чук и его дядюшка Юра, владела кривой бревенчатой хибарой на краю городского лога. Но в тот день Костик до хибары не дошел. В квартале от лога, в конце улицы Челюскинцев, они увидели своего одноклассника. Его звали Витька Рамазанов, или попросту Рамазан. А еще у него имелось прозвище – Бомбовоз. Не смешливое, а почтительное.

Витька был покрупнее и постарше других ребят, потому что в четвертом классе он сидел второй год (не ладилось у него с русским языком и арифметикой). Но, в отличие от других второгодников, не был Бомбовоз ни лодырем, ни ху-

лиганом. Отличался спокойным характером и часто заступался за тех, кто слабее.

А еще авторитетности Бомбовозу добавляла его награда. Он получил ее четыре года назад, когда ухитрился «приклеиться» к школьной фронтовой бригаде, на Заречном фанерокомбинате. Такие бригады работали там с сорок второго года. Совсем небольшие пацаны, из третьего и четвертого классов местной начальной школы. А еще и ребята постарше, из ближней семилетки.

Но малышей не брали. Рамазан, таким образом, по возрасту «не тянул», а очень хотелось ощутить себя фронтовиком. Ведь ребята не в игрушки играли – они делали корпуса для противотанковых мин. Как на этих минах рвутся немецкие «тигры», один раз даже показали в киножурнале... Витька жил вдвоем с матерью, техничкой комбинатского клуба. Отец погиб еще в сорок первом. Тянуть лямку вдвоем было трудно. Мать стала сдавать квартирантам одну из двух комнатушек, оставшихся с довоенной поры, чтобы получать хоть какой-то добавочный заработок. Так однажды появился у Витьки сосед, Валерка Чижов, сын бухгалтерши с завода «Механик». Оказалось, что этот Чижов – член фронтовой бригады, хотя вписался в нее не совсем законным путем: жил он далеко от комбината, учился в городской, а не в заречной школе. Помогли устроиться...

Первоклассник Рамазанов очень завидовал четверокласснику Валерке, хотя тому каждое утро приходилось вставать

в шесть утра и топтать по морозу через реку, чтобы успеть на трудовую вахту. А потом шагать обратно, в школу, где занятия шли во вторую смену.

– Валер, попроси записать в бригаду... – канючил Витька, когда Чижов отогревал у печурки заочеченевшие на морозе руки.

– Да отлипни ты! «Запиши, запиши»! Меня самого-то могут попереть, потому что не из ихней школы...

Но однажды вечером Валерка сказал:

– Санки приготовь. Завтра с утра ледовый десант...

И Валерка (по большому секрету) рассказал, что с комбината надо срочно вывозить продукцию – корпуса мин, которые называются ЯМ-5, – и на станцию Тура подгонят состав. Но станция-то на правом берегу, а продукция-то на левом, на комбинате. А грузового транспорта не хватает. Вот ребята и придумали – устроить переправу минных корпусов на санках. Другого выхода просто не найти.

Эту операцию в местной газете и на радио назвали «Ледовая дорога». Погода и в самом деле была с ледяным холодом и снежными вихрями, но пацаны и девчонки переправили груз в течение дня. Их на ходу поили чаем из термосов, кормили пайковым хлебом, отогревали у разожженного на льду пламени, и ребята снова тянули сани с грузом по снежным застругам и наледям, вверх по дороге, которая называлась Масловский взвоз, потом к платформе...

Трудились, конечно, и взрослые – рабочие комбината и

жители береговых улиц, но школьников было большинство.

Валерка Чижов неотрывно следил за Витькой Рамазановым. Растирал ему белые от холода щеки и заочечневшие в варежках пальцы, грел у костров...

У такого костра заметил первоклассника Рамазанова мужчина в новом полушубке, барашковой ушанке и белых бурках – сразу видно, что начальник. Он подошел сюда с такими же другими начальниками.

– А это что за юный герой?

– Доброволец, – объяснил стоявший рядом Чижов. – Просился, просился, ну и вот...

– Молодец!

Потом начальник спросил имя, адрес и школу добровольца и велел записать оказавшейся рядом тетеньке (тоже в полушубке)...

Заочечневшего, как сосульку, Витьку Валерка Чижов доставил домой почти что к полуночи – мать была уже в панике.

Витька уснул у горячей печки и сразу позабыл, что было днем.

В бригаду его все-таки не взяли: маловат. Да и мать не разрешила бы каждый день шагать туда и обратно через застывшую реку по морозу. Тем более что Чижовы скоро съехали с квартиры Рамазановых и Витька остался без покровителя... Но в феврале, перед праздником Красной армии, Чижов пришел к бывшему соседу снова. Сказал, что Витьку

зовут на собрание в клуб комбината. На собрании говорили о победе в Сталинграде, о героических делах школьников и раздавали награды. Первокласснику Рамазанову дали грамоту и значок с зелеными елочками и красной звездой. На значке было написано. «Наркомлес. За ударный труд».

Оказалось, что о награде сообщили и в Витькину школу. Там его поздравила на классном собрании учительница. Она сказала, что значок – это правительственная награда, почти как медаль. Поэтому Рамазанов теперь должен учиться только на «хорошо» и «отлично». Однако так учиться Витька не стал: не получалось. Однажды остался даже на второй год. Но лодырем и балбесом его все-таки не считали. Как-никак человек с наградой...

Сейчас Рамазан вдвоем с пацаненком дошкольного вида развлекался пусканием кораблика в луже (занятие для него, для Бомбовоза, казалось бы, не очень солидное). Лужа была маленькая, сделанное из сосновой коры суденышко при-тыкалось то к одному, то к другому берегу, бумажный парус намок.

Чук и Костик хотели пройти стороной, чтобы не смущать Бомбовоза, но тот оглянулся на них, неловко пошевелил плечами под разношенным ватником и объяснил:

– Вот... соседка навьючила тимуровскую работу. «Витенька, побудь с Андрюшей, пока я в мастерскую за юбкой схожу». Андрюше уж пора жениться, а он все няньку требует...

– Не буду я жениться! – возмутился Андрюша личность лет пяти. – Ты сам обещал кораблик сделать!

– Ну сделал! А где его пускать-то?

Чук и Костик поняли: игра с корабликом интересует не только малолетнего Андрюшу, но и самого Рамазана, только показать это он боится.

Костик деловито сказал:

– Если заниматься таким делом всерьез, нужна большая лужа... Вроде той, что за виноводочным заводом...

– Это где? – не сдержал интереса Бомбовоз.

– На берегу, за улицей Володарского, позади завода есть проход между стеной и разрушенным домом. Весной там – будто морской пролив. Я это место в прошлом году нашел, когда гулял после уроков, чтобы не идти домой...

Подумал, что хорошо бы там устроить гонки корабликов. Только одному было неинтересно. А если кому скажешь, в ответ сразу: «Ха-ха-ха, моряк – мокрые штаны!..»

– Ну не все же такие тупые... – возразил Бомбовоз. – Андрей, иди к дому, вон твоя мама идет, юбку несет.

– Я хочу с вами...

– Иди-иди. С нами – потом. Сперва надо посмотреть.

Этим он как бы дал понять, что не прочь отправиться с Федорчуком и Удальцовым посмотреть неведомую лужу. Может, ему просто нечего было делать, а может, шевельнулось в нем предчувствие приключений.

Чук глянул на Костика:

– Идем?

– Идем, – согласился Костик. – Только давайте лучше завтра. А сегодня мне и без того влетит дома. За то, что пошел в кино без спроса. «Где ты болтался столько времени?!»

Пароль

Дома было то, чего Костик опасался. Всякие упреки, угрозы и обещания, что все каникулы он просидит дома над задачкой по арифметике и «носу не высунет на улицу». А кроме того, «придется прибегнуть к самым решительным способам воспитания, одним из которых будет мокрый тонкий прут». Здесь, как назло, черт принес Таську Зацепину, соседскую девчонку, которая очень нравилась бабушкам, потому что всегда готова была поведать им о похождениях Костика. Сейчас Таська напомнила, что во дворе, за сараем, есть кленовая поросль, в которой нетрудно отыскать именно такие прутья. Она знала, что «кошка скребет на свой хребет» и Костик не простит ей эти советы, но не могла удержаться.

– Спасибо, Тасенька, – покивала Эльза Яковлевна. – Я думаю, что скоро придется так и поступить... А сейчас, Константин, иди умываться и спать. Продолжим разговор завтра.

Назавтра Костик поклялся, что «больше никогда», и был отпущен гулять. «Но имей в виду, что это самый последний раз...»

Встретились у калитки Чука. Из хибары, несмотря на затворенную дверь, слышны были скандальные голоса – женский и мужской.

– Дядька Юра и тетка Анюта выясняют, кто из них са-

мый хороший! – хмыкнул Чук. – Дядюшка раздобыл вчера чекушку и накачался. На радостях. Узнал, что скоро приезжает цирк. Его туда принимают иногда на работу, униформистом. Это те, которые там вроде прислуги, в мундирах... Раньше-то он был жонглером, а потом начал пить, мастерство растерял, но все равно говорит: «Без цирка не могу». Ну вот и берут по старой памяти. Он все-таки кое-что умеет...

Костик подивился, что у Чука такой необычный дядюшка, но главные мысли его были о другом: разлилась ли за старой заводской стеной лужа? А то получится, будто нахвастался зря.

Подошел Бомбовоз. Да не один, а с тощим и будто всегда испуганным Толькой Башмачкиным, по прозвищу Бамбук (ну очень уж тощий!). Попросил:

– Пусть идет с нами. Мы с ним вместе целый год за одной партой. А то он, когда один, все какой-то нерешительный...

Бамбук виновато хлопал пшеничными ресницами.

– Ну, пусть идет, – сказал Чук и посмотрел на Костика.

– Пусть, – согласился Костик. Даже приятно стало, что от его решения что-то зависит.

Они пошли дальше, по улице Герцена, мимо большого деревянного дома, где жил Вадик Саранцев. Дом был частный, принадлежал известному в городе семейству, главным в котором был врач Серафим Евгеньевич Саранцев, отец Вадика.

Вадик на просохшем под мартовским солнцем крыльце

возился с велосипедом (хорошо быть сыном знаменитого врача: свой велосипед у человека). Пройти мимо и ничего не сказать было неловко.

Бомбовоз небрежно сказал:

– Здорово, Саранча...

Вадик обрадовался, будто ждал этой встречи.

– Физкульт-привет! Помогите натянуть цепь! А то все время соскакивает, проклятая!

Вадику помогли: дело нехитрое. Вадик с удовольствием покрутил колесо и спросил:

– Вы куда топаете?

– Так... по делам, – неосмотрительно проговорил Костик.

– Ой! А можно с вами? А то совершенно нечего делать.

– У тебя же колёса, – возразил Бомбовоз. – Катайся хоть целый день.

– Одному не хочется. И дороги еще грязные... А с вами, значит, нельзя?

Тогда Чук сказал так же, как про Бамбука:

– Пусть идет... – И добавил: – Только больше никого не надо. Зачем нам толпа...

– Правильно. У нас дело тайное... – добавил Костик, потому что сейчас был главным: он один знал дорогу к похожей на морской пролив луже.

– Я сейчас! – обрадовался Вадик. – Только уберу машину...

Он втащил велосипед в сени и тут же снова выскочил

на ступени. Следом выглянула круглощекая девица Женя – домработница.

– Вадик, ты куда? Мама велела напомнить, что у тебя занятия музыкой!

– Фиг на маргарине! У меня каникулы, – сообщил воспитанный Вадик. Поправил заграничную кепочку с клапанами на макушке, поддернул застегнутые под коленками бархатные брючки и глянул с ожиданием: – Идем, да?

Они свернули на Первомайскую и зашагали в сторону реки. Было тепло, среди набухших тополиных почек галдели воробы.

– А почему ваше дело – тайное? – спросил Саранцев у Костика.

Неделю назад они поссорились за школьным сараем при игре в «обстенок» и даже чуть не подрались (и Костик, разумеется, отступил), но сейчас вспоминать про это было не к месту. И Костик снисходительно сказал:

– Оно тайное, потому что секретное. Чтобы не лезли со стороны всякие любопытные.

– И вообще любое дело интереснее, когда в нем таинственность, – разъяснил Чук. – Про это даже книжки есть. Например, «Таинственный остров» или «Морская тайна»...

– А еще «Тайна партизанского бора»... – нерешительно вставил Бамбук.

– А еще «Тайна подземного аэродрома», – добавил Бомбовоз. Он соображал чуть медленнее других, но книжки с

тайнами любил.

– А еще «Морской охотник», – внес свою лепту Вадик.

– Там нету слова «тайна», – заспорил Бомбовоз.

– Слова нет, а тайна есть, – сказал Вадик. – Про подводную лодку...

Обошли каменную стену винзавода, над которой торчала обшарпанная колокольня без креста. За стеной что-то ухало. «Таинственно».

– Раньше там делали взрывчатую начинку для «катюш», – сообщил Бомбовоз.

– А сейчас делают винную продукцию, – сказал Вадик. –

Папа говорит: травят народ...

– Правильно говорит, – буркнул Чук. Наверно, вспомнил дядюшку. – Кось, ну где твой морской залив?

– Сейчас...

Лужа открылась за кустами прошлогоднего репейника (тот был как железные джунгли). Она и правда сверкала морской синевой. Разлилась от заводской стены до длинного пустого дома с обрушенной крышей и выбитыми стеклами.

– Ух ты! – обрадовался Чук. – Настоящий водоем!

Смерили длину водоема. Получилось девяносто шагов. А в ширину было шагов двадцать...

Бомбовоз достал из-за пазухи вчерашний кораблик. Чук и Костик вытащили из карманов куски сосновой коры – припасли заранее.

Ножики нашлись у всех, кроме Бамбука. Но Бомбовоз отдал ему уже готовый кораблик.

Выстроить еще одно суденышко было делом нескольких минут. Кора резалась легко. Мачты смастерили из лучинок – их принес с собой запасливый Бомбовоз. Вставили в корму рули из плоских щепочек. Надели на мачты квадратики из тетрадной бумаги (она тоже нашлась у Бомбовоза).

Во время работы все сосредоточенно молчали, будто и в самом деле заняты были тайным делом.

Наконец эскадра из пяти парусников встала на берегу синей лужи.

– Ну, спускаем? – спросил Костик и слегка заволновался.

– Да, – сказал Чук.

Они разом взяли коричневые кораблики за кончики мачт и поставили на воду. Разжали пальцы.

Мягкий ветерок тянул вдоль лужи. Он легонько надавил на паруса, и кораблики резво побежали по мелкой ряби. Солнце светило из-за высокой стены и рассыпало по воде слепящие зигзаги.

Пятеро капитанов смотрели вслед своим кораблям. От солнечных бликов танцевали в глазах зеленые змейки, и можно было подумать, что это отблески зелени на тропических берегах. Костик, по крайней мере, думал именно так.

Когда кораблики убежали далеко, пришлось идти за ними по берегу. Маленькие парусники плыли ровно, не сталкивались и даже как будто старались не обгонять друг друга.

Потом, в следующих рейсах, случалось всякое, но свое первое плавание эскадра прошла благополучно и с одной скоростью. Словно кораблики старались показать, что они друзья. И капитаны их – тоже...

Играли долго. Мартовский ветер был добрым, солнце – теплым, облака в высоте – выпуклыми, как паруса фрегатов. И настроение такое, будто все только что посмотрели кино «Дети капитана Гранта». «А ну-ка песню нам пропой веселый ветер...» – насвистывал Вадик, хотя дома ему внушали, что свистеть неприлично.

Устроили несколько соревнований. Побеждали все по очереди, поэтому никому не было обидно.

Наконец утомились. Блеск солнца и воды начал нагонять сонливость, и кроме, того, ужасно захотелось есть.

– Наверно, пора домой? – спросил Вадик.

– Давайте посидим немного, – предложил Чук. – Вон там... – Он кивнул в сторону разрушенного дома.

Подошли к дому. Устроились кто в оконных проемах, кто

напротив – на лежавшем вдоль фундамента гнилом столбе. Бомбовоз, Чук и Костик скинули ушанки, в которых сделалось очень жарко. Бамбук снял замызганную пилотку. Вадик вертел на пальце кепочку. На недалеких путях покричал пристанской паровоз.

– Здесь хорошо, да? – сказал Чук, глядя на облака.

И Костик был доволен, что Чуку понравилось это место. Его, Костика Удальцова, место. Впрочем, оно и другим нравилось. Бомбовоз размягченно сказал:

– Отсюда все Заречье видать. И пристань. А вон там, за станцией, Масловский взвоз, по которому мы таскали ящики. Когда я был в первом классе...

Он редко вспоминал то героическое событие, но сейчас хорошее настроение, видимо, подтолкнуло его к воспоминаниям. Таким, чтобы поделиться с друзьями. Ощущение, что рядом не просто одноклассники, а друзья, шевелилось в душе и у него, и у остальных.

– Можно сюда каждый день приходить, – предложил Костик. – И устраивать парусные гонки. Никто не помешает. Мы будем вместе, как один корабельный экипаж...

– И пусть он называется ТЭК, – уверенно предложил Чук.

– Почему? – удивился Бамбук.

– Это будет «Тайный экипаж корабельщиков»...

– Зыконно, – одобрил Бомбовоз, что на ребячьем языке тех времен означало «законно», то есть правильно.

А Вадик возразил:

– Почему «тайный» – понятно. А почему «корабельщиков»? Корабельщики – те, кто плавают на кораблях. Помните: «Корабельщики в ответ: „Мы объехали весь свет...“» А мы ведь только строим...

– Строители судов тоже корабельщики. Я помню, что отец так себя называл, – чуть насупленно возразил Чук. – Маленький был, а помню...

Вадик Саранцев решил больше не спорить:

– Тогда правильно...

И все тоже сказали, что правильно. В слове «ТЭК» чудилась сжатая энергия. Как в короткой морской команде.

– Но тогда нужен пароль, – полусшепотом напомнил Бамбук.

Его глаза ярко синели в обрамлении желтых ресниц. Он мигал ресницами, будто боялся, что засмеются. Никто не засмеялся.

Вадик сказал:

– Это справедливо. Только нужен такой пароль, чтобы он был наш, и больше ничей. Пусть никто его не сможет никогда угадать...

– Надо подумать, – решил Чук. – Давайте подумаем до завтра...

На следующий день, когда снова пришли к луже («к морю-окияну», – сказал Вадик), сразу же заговорили о пароле. Конечно, посыпались разные предложения: «Парус»,

«Якорь», «Абордаж», «Испаньола», «Норд-ост» и так далее. Но все это было привычно, из кино и книжек. А хотелось чего-то совершенно своего и непонятного другим. Тайна же!

Сидели на прежнем месте, у старого дома, спорили, перебывали друг друга, махали руками и утомились.

– А ты чего молчишь? – вдруг надвинулся Бомбовоз на Бамбука. – Сам вчера придумал про пароль, а сейчас ни словечка!

Бамбук помигал.

– Ладно, я скажу. Только не смейтесь...

Все с готовностью промолчали. А Чук негромко и очень серьезно проговорил:

– Тэковцы... Давайте договоримся, что мы будем называться «тэковцы». И еще договоримся, что никогда не будем смеяться друг над другом и не станем друг друга обижать. Это же не школа... Тогда получится настоящий экипаж...

Все немного застеснялись, потому что не похоже это было на обычные ребячьи обещания. Но почти сразу выдохнули, что «договорились».

И тогда Чук велел:

– Бамбук, говори свой пароль.

Бамбук постучал разношенным ботинком по кирпичному фундаменту (там пробилась первая мать-и-мачеха).

– У меня в голове прыгает слово: «Бомбрам»...

Костик, Бомбовоз и Вадик удивленно молчали, а Чук почему-то сказал:

– Ого!..

– Это морское слово, – слегка осмелев, объяснил Бамбук. – В прошлом году у нас жил после госпиталя моряк, старшина. Потом он уехал на Тихий океан, а сперва был в отпуске... Он иногда надо мной подшучивал, что я длинный и тощий. Не обидно, а так. И сказал однажды: «Ты как бомбрам-стенга». Потом объяснил, что так называется верхняя часть парусной мачты. Нижняя часть – просто мачта, вторая – стенга, третья – брам-стенга, а четвертая – бомбрам-стенга... Бывает еще трюм-стенга, но редко... А «бомбрам» – это такое морское выражение, которое, по-моему, годится. «Бом» – сам пароль, а «брам» – отзыв...

Бамбук быстро глянул на каждого и опять стал постукивать каблуками по кирпичам. И ждать: что скажут?

А что было говорить? В этом самом «бомбрам», так же, как в слове «ТЭК», была крепкая лаконичность морских команд и заманчивость парусных плаваний. Как в книжке «Остров сокровищ».

– Ну Бамбук! Ты... академия наук! – выразил общее мнение Бомбовоз.

А Чук это мнение подкрепил:

– Правильно! «Бом-брам» – самый морской корень. У меня есть книжка про плавание парусника «Товарищ» в Южную Америку. Ее написал капитан Лухманов, он командовал этим судном. А в конце книжки словарь и корабельные схемы. Там везде эти «бом-брам»...

Старая книга

Теперь, когда собирались вместе, кто-нибудь обязательно говорил: «„Бом“!», а другие тут же отвечали: «„Брам“!» И возникало ощущение, будто они и в самом деле экипаж тайного корабля. А плавания сосновых суденышек в луже заброшенного переулка – путешествия к дальним берегам. Вроде океанского рейса четырехмачтового барка «Товарищ» через Атлантику.

– Иногда аж мурашки по спине... – однажды шепотом признался Бамбук. – Солнечные брызги и отражения в синей воде. И ты как на капитанском мостике...

Он был лишь с виду бестолковый длинный Бамбук, а на самом деле человек с чувствительной душой. Это уже все понимали, и никто не засмеялся.

Иногда устраивали гонки. А случалось, что отпускали кораблики в свободное плавание. Интересно было смотреть, как они бегают от берега к берегу, словно живые. Вернее, словно управляли ими крохотные живые экипажи со своими тайными планами и заранее проложенными на маленьких картах маршрутами.

А еще было хорошо им, пятерым, просто от того, что они вместе. Вроде бы разные люди, а все равно вместе. Потому что ТЭК. И есть у них тайный капитан – старый морской волк Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

– А он живой еще? – шепотом спросил однажды Бамбук.

– Не знаю, – виновато отозвался Чук. – Если и живой, то совсем старик. Я посчитал: ему должно быть сейчас восемьдесят лет... Да это не важно! Все равно он есть!

Да, он все равно был. С тэковцами...

Книжку Лухманова «20 000 миль под парусами» прочитали все по очереди: Чук настоял. «Потому что какой же мы ТЭК, если ничего не знаем о кораблях?» Впрочем, читалась книжка легко, даже Бомбовоз осилил ее за три вечера, хотя вообще-то был не очень охоч до чтения.

А потом кончились каникулы, и наступил апрель.

Лужа стала высыхать, превратилась в площадку из черной затвердевшей грязи. Пришлось кораблики разнести по домам и поставить на полки. Конечно, была надежда на летние ливни, но все понимали, что лужа не станет прежней – синей и морской. Будет она частью обычной дождевой слякоти.

Зато скоро сквозь корку грязи стали пробиваться травяные стрелки, все гуще, гуще, покрыли землю сплошной зеленью, а в зелени стали расцветать одуванчики...

ТЭК не распался. Собирались теперь не только у лужайки с одуванчиками, но и на дворе у Костика или на крыльце Саранцевых. Оно было обширное, в пять ступеней, с чисто выскобленными досками (домработница Женя старалась). И никто не прогонял мальчишек.

Они по-прежнему часто говорили о корабельных делах. Заспорили однажды, как становятся моряками: мечтают об

этом с детства или попадают на флот случайно?

– Бывает, наверно, по-всякому, – рассудил здравомыслящий Бомбовоз. – Кому как повезет в жизни...

– Капитану Лухманову повезло с детства, – сообщил Чук. – Он с малых лет читал книжки про море и мечтал... Потом добился, чтобы его выгнали из сухопутной военной гимназии, и папаша отправил его в керченские мореходные классы...

– Ты откуда знаешь? – удивился Бомбовоз.

– Он про это сам написал. Книжка есть...

– В той книжке про детство капитана ничего нет, – возразил Вадик.

– Я не про ту. У меня есть другая...

– И ты молчал! – почти по-настоящему рассердился Костик.

– Я нарочно молчал. Чтобы не всё сразу... Когда узнаешь понемногу, получается интереснее... Там написано, что капитан тоже строил кораблики. Значит, он был как мы...

Книжку Чук принес на следующий день. Опять собрались на крыльце докторского дома.

– «Бом»!

– «Брам»!

– Вот, смотрите... – Чук вынул из брезентовой противогазной сумки узкую коричневую книгу. – Мы привезли ее из Севастополя. Она с давних пор была у отца, а откуда попала к нему, я не знаю...

Он откинул обложку из бугристой искусственной кожи.
На первой странице вверху было напечатано:

ДМИТРИЙ ЛУХМАНОВЪ

А наискосок, через весь лист:

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

– Старинная! – с почтением сказал Вадик. – У нас есть такие, с «ятями» и твердыми знаками...

– Тут всякие рассказы и стихи капитана... – объяснил Чук. – Самый большой рассказ «По белу свету». О том, как он сделался моряком, о первых плаваниях... А самое главное вот что. Смотрите.

Все сдвинулись над книгой головами.

– Это собственная книжка капитана Лухманова. То есть она принадлежала ему. Он сам держал ее в руках. А потом подписал и подарил. Читайте...

Вадик, знающий старинную грамоту, неторопливо прочитал рукописные витиеватые строчки:

– *«Владимиру А ндреевичу Шателенъ в знак ъ глубокаго уваженія отъ автора. Двадцать третьего августа тысяча девятьсотъ третьего г. Петровскъ Даг. обл.»* Где эта Даг. обл.?

– В Дагестане, конечно, – объяснил Чук. – Петровск – это сейчас Махачкала...

– Там разве есть море? – удивился Бомбовоз.

– Каспийское...

– А кто такой Шателен? – сунулся вперед Костик.

– Не знаю, – неохотно сказал Чук. – Наверно, какой-то моряк, знакомый капитана...

– Давайте читать, – поторопил всех Бамбук. – Где там про его детство?

Читать опять же стал Вадик. Читал ровно и внятно. И вот позади оказались три десятка страниц. Позади осталось детство Мити Лухманова, началась его матросская юность – с дальними рейсами, штормами, крушениями и безработицей...

Слушали, как говорится, затаив дыхание. И все же Бамбук в конце концов спросил:

– А где про то, как он строил кораблики?

– А он их не в детстве строил, а уже потом, – разъяснил Чук. – В капитанском возрасте.

– Зачем? – удивился Бамбук.

– Так не бывает, – не поверил Вадик.

Костик ничего не сказал, но не поверил тоже.

Чук торжественно открыл последнюю страницу.

– Вот. Читайте...

Все опять сдвинули головы над книгой. Прочитали. Помолчали, переживая удивительное открытие: оказывается, у них, четвероклассников, и знаменитого капитана было одно одинаковое занятие. У капитана в общем-то серьезнее, но похожее.

– Вот бы поглядеть... хоть на один его кораблик, – про-

шептал Бамбук.

– Теперь не сыскать, – рассудил Бомбовоз. – Вон сколько лет прошло. Мы же ничего не знаем про капитана...

Капитан Дмитрий Афанасьевич Лухманов умер через два месяца после этого разговора тэковцев, восемнадцатого июня 1946 года.

Костик вернулся из продуктового магазина, где выстоял двухчасовую очередь за хлебным пайком. Несмотря на победу, время было голодное, хлеба не хватало, очереди приходилось занимать с самого утра.

Костик подошел к воротам, дожевывая оторванную от горбушки корочку, и увидел Вадика Саранцева. Тот сгорбленно сидел на лавочке, бросив у ног велосипед.

– «Бом»... – нерешительно сказал Костик, потому что почувял неладное.

– «Брам»... – похоронно отозвался Вадик. И сразу: – Умер капитан Лухманов... Ему было семьдесят лет...

Костик обмяк и сел рядом. Крутнул брезентовым башмаком обод велосипеда. Спросил:

– И что теперь делать?

Вадик пожал плечами:

– А что тут можно сделать? Пойдем к ребятам. Они, наверно, еще не знают...

Когда они думали, что капитана давно нет в живых, это было привычно. А сейчас смерть словно дохнула в лицо. Ка-

питан будто бы жил рядом – и вдруг его не стало...

– Подожди, хлеб отнесу, – сказал Костик.

Он выложил на кухне два бруска хлеба, выслушал привычные упреки: «Неужели ты не знаешь, что щипать хлеб на улице неприлично? Вопиющая невоспитанность!.. Куда ты опять собрался? А кто будет прибираться в комнате?..» – и выскочил опять за ворота.

– Поехали к Чуку...

Он сел на багажник, Вадик надавил на педали.

У Чука на дворе происходил очередной скандал. Дядя Юра и тетка Аня орали друг на друга. Дядюшка был «хорош по первое число» (и когда успел с утра?). Чук стоял рядом с теткой и держал на всякий случай увесистый дрын.

Глянув на Костика и Вадика, дядя Юра слегка протрезвел, плюнул и, пошатываясь, ушел в дом.

– Чтоб тебя разорвала нечистая сила! – пожелала ему вслед тетка Аня.

Чук виновато смотрел на друзей. Они не стали говорить пароль. Тут же сказали о капитане.

Пошли к Бамбуку и Бомбовозу (те жили рядом). Они не слышали еще печальную новость. Как и Костик, они недавно вернулись из очередей.

Посидели на завалинке у дома Бомбовоза.

Бамбук наконец спросил:

– Что же теперь делать?

– Ничего, – отозвался Бомбовоз. – Что поделаешь, если

человек умер...

– Но хоть что-нибудь надо, – прошептал Костик.

И Чук решил:

– Устроим последний парад. Наших кораблей...

– Но ведь залива нет, – напомнил Вадик.

Чук упрямо сказал:

– Можно пустить с мостков...

– Унесет... – засомневался Бамбук.

– Ну и пусть, – ответил Чук.

Они пошли домой, и каждый взял кораблик. У Костика это была «Победа» с капитанской рубкой из кубика сосновой коры, у Чука – «Дункан» с двумя парусами – гротом и марселем, у Вадика – похожий на крохотную скрипку «Аккорд», у Бомбовоза – крутобокая «Аврора», у Бамбука – легонькая «Ласточка»... Потом опять сошлись вместе – на крыльце у Саранцевых. Костик пришел последним. Исполняя обычай, он сказал:

– «Бом»...

И ему ответили: «Брам», хотя и не очень дружно. Похоже, что у всех скребло в горле.

Отправились на берег. Через репейник и бурьян выбрались к бывшей луже, которая теперь стала лужайкой с пышной травой. Доцветали одуванчики. Кое-где еще горели желтые звездочки, но большей частью они уже превратились в пушистые шарики семян.

Теперь надо было спускаться к воде. Но Костик попросил:

– Подождите... – и пошел к заводской стене.

У самой стены, в тени, трава была высокой и влажной. Костик на ходу поджимал ноги, но храбро двигался вперед. Друзья постояли и пошли следом.

– Ты чего хочешь-то? – спросил в спину Костику Бомбовоз.

– Написать название...

– Какое? – спросил Чук.

– Лухмановский переулок... Пусть это место называется так всегда.

– Лучше Капитанский... – посоветовал Вадик Саранцев.

– Нет, надо полностью, – возразил Чук. – Переулок Капитана Лухманова.

– Ладно, – согласился Костик. Он выбрал на стене место, где были самые ровные кирпичи. На уровне глаз. Достал из кармана потрепанных штанов с ляжками палочку мела. Вывел на стене печатную букву «П» высотой сантиметров десять, заглавную. Потом букву «Е» – чуть поменьше. Получилось немного криво.

– Пусть Витя пишет, – посоветовал Бамбук. – Он хорошо умеет писать и рисовать.

Костик не обиделся, отдал мел Бомбовозу.

– Можно написать не «Переулок», а сокращенно, «Пер» с точкой, – подсказал Вадик.

Но Бомбовоз покачал головой и начал писать полное слово: «Переу...»

Работа оказалась непростая, медленная. От мела сыпалась тяжелая белая пыль. На второй букве «А» (в слове «капитан») Бомбовоз устало выговорил:

– Мела может не хватить...

– У меня есть еще, – сказал Костик.

Друзья посмотрели на него одобрительно.

Каждый держал у груди свой кораблик (только Бомбовоз отдал свою «Аврору» Бамбуку). А Чук прижимал к рубашке кроме «Дункана» еще и книгу «Морские рассказы». Это был талисман тэковцев – книга, которую не только сочинил, но и когда-то держал в собственных руках капитан Лухманов. На которой были его живые, рукописные строчки. Чудилось, что от книги исходит особое морское волшебство и дружеская сила.

Наконец надпись была закончена. Протянулась она метра на два. Бомбовоз и правда писал красиво. Он уложил аккуратные буквы как раз в высоту больших кирпичей. Только заглавные оказались перечеркнуты щелями, но это их не испортило, а, наоборот, придало старинный вид. Будто они были здесь всегда.

– Бомбовоз, ты мастер! – похвалил художника Чук.

Тот довольно посопел.

Потом, конечно, буквы поблекли, сделались плохо различимыми. Но это не имело значения. Все, кто хоть раз побывал здесь в те времена, запоминали, что это – переулочек Капи-

тана Лухманова. Правда, заглядывали сюда немногие: место глухое. Да и кто такой капитан Лухманов, известно было не всем. Но то, что здесь пахнет морской солью, ощущали все.

Постояли перед надписью с минуту.

– «Бом»... – напомнил Чук. Словно сказал пароль капитану.

– «Брам»... – отозвались остальные.

И все стали спускаться по заросшему откосу к воде. Пересекли протянувшиеся вдоль берега рельсовые пути, пошли дальше. Под полусгнившими лодочными мостками хлюпала волна от проходивших буксиров.

На мостках никого не было. Крикливые тетки с бельем для полоскания не решались ходить сюда: очень уж хлипкие доски.

Пристанская жизнь кипела в полукилометре отсюда, выше по течению. Там швартовались пассажирские пароходы и катера, суетился народ на лодочной переправе, слышались в репродукторах голоса диспетчеров. А здесь только покрякивали на путях маневровые паровозы.

Встали на краю мостков. Каждый понимал, что наступил особый момент. Строгий такой.

И Чук опять сказал:

– «Бом»...

И все ответили:

– «Брам»...

Тогда Чук проговорил:

– Мы сейчас отправим наши кораблики в далекое плавание. Может быть, они по рекам доберутся до океана... Мы потом сделаем другие, но у этих – последний парад. На память о нашем капитане Дмитрие Афанасьевиче Лухманове... Давайте, ребята...

Он взял книгу под мышку, встал коленками на влажные доски. Остальные опустились рядом с ним. Ухватили суденышки за кончики мачт, поставили их на воду.

– Старт!.. – скомандовал Чук.

И все разжали пальцы.

Погода решила помочь тэковцам. Вниз по течению тянул ровный ветерок, попутный для корабликов. Они побежали ровной шеренгой, не цепляя и не обгоняя друг друга. Друзья встали. Последний раз помахали своим кораблям: «Авроре», «Дункану», «Ласточке», «Аккорду», «Победе».

Чук махал не только рукой, но и книгой. Потом он сказал: – Пошли... И не надо оглядываться – это плохая примета...

Они опять пересекли рельсовые пути и стали подниматься по откосу. Тропинок в зарослях было много, выбирали наугад и оказались не на той, по которой пришли сюда. Ноги путались в жестких стеблях, у Костика башмак застрял в чем-то твердом – не сдвинешь с места. И все же он сдвинул. И вытащил ногу вместе с тяжелым ржавым кольцом, в котором застрял носок растоптанного башмака. Было кольцо размером с баранку и с перемычкой в середине.

Башмак освободили, кольцо подняли и осмотрели.

– Это звено от якорной цепи, – уверенно определил Чук. – Я видел такие еще давно, в Севастополе.

– А откуда здесь-то оно? – засомневался Вадик. – Такое большущее...

– В наши реки раньше заходили морские корабли, – вспомнил Костик. – Северным морским путем... В краеведческом музее лежит цепь из таких колец. Экскурсовод говорил, что крупные якоря нужны были здесь для торможения плотов при лесосплаве, но, по-моему, дело не в плотах. Там использовались канаты...

– Наверно, экскурсовод не знает, – сказал Чук. – Ясно же, что это цепь от большого корабля...

– Ясно, что это знак от капитана Лухманова, – тихо, но

решительно объяснил Бамбук. – Его привет... с дальних морей... Это примета...

Никто не заспорил, не стал критиковать Бамбука за веру в приметы. Наоборот...

– Пусть это будет наш знак, – предложил Бомбовоз. – Наш этот... как его... тал...ли...

– Талисман, – подсказал Вадик. И добавил: – Чук, это в твою честь...

– Почему?!

– Смотри, эта штука будто буква «Фита́». Такая же старинная, как «Ять», – объяснил начитанный Вадик. – Смотрите, она и в имени Лухманова есть. То есть в отчестве – «Афанасьевич»...

Все пригляделись. В самом деле, вместо буквы «Ф», второй по счету, стояла буковка, похожая на «о» с перекладиной. Раньше на нее не обращали внимания: думали, что это просто так, вроде украшения в шрифте. А сейчас...

– А я-то здесь при чем? – пробормотал Чук.

Вадик объяснил:

– С этой буквы начинались некоторые имена, в том числе и Федор. Это можно тоже в книжке увидеть... – Вадик подбородком показал на книгу, которую держал Чук. – Там есть капитан Федор Иванович Бирк, я запомнил...

– Ну и что?..

– А твоя фамилия от этого же имени. Значит, раньше писалась бы с «Фиты»...

– Вот это да-а! Я и не знал! Теперь обязательно сделаю наколку. Вот здесь... – Чук уголком книги почесал левую руку повыше большого пальца, а в правой покачал кольцо. – Раньше хотел якорь, а сейчас пусть будет «Фита». И новый кораблик так же назову... – Он подумал и разъяснил: – Не потому, что фамилия такая, а потому что это наш знак...

– Я тоже сделаю, – задохнувшись от собственной храбрости, пообещал Костик. – Это называется татуировка...

– Тетушки сделают тебе эту... тату-ровку! Ниже спины, – пообещал неделикатный Бомбовоз.

– Фиг им!..

Бамбук взял у Костика увесистое кольцо, тоже покачал в ладонях.

– Надо его прибить к стене. Пусть всегда будет здесь.

– Сопрут, – сказал Бомбовоз.

– Не сопрут, если повесим высоко... – Чук прицельно глянул на гребень стены.

– А как туда забраться-то? – засомневался Бамбук.

– Придумаем...

– Думай. Ты ведь у нас цирковой человек, – напомнил Вадик. Без насмешки и даже с капелькой уважения.

– Ага, – согласился Чук и вспомнил: – Ой, у меня же есть для вас контрамарки. На сегодня... Пойдете?

Четверо переглянулись. И, похоже, каждый вспомнил, как убегали от мостков кораблики.

– Знаешь, Чук, не хочется... – ответил за всех Костик. –

Не такой день...

Чук опустил плечи и кивнул. Вынул из кармана бумажные квадратики, скомкал и кинул по ветру.

– Да... А мне придется идти. Работа...

Артист

Пора наконец рассказать о цирковой жизни Вальки Федорчука.

В середине апреля, перед первым представлением, Валька в школе отозвал тэковцев в сторонку и вытащил из кармана курточки бумажные квадратики. На каждом была лиловая печать и неразборчивая подпись. Чук, посапывая от смущения, сказал:

– Вот... контрамарки. Можно пройти... Только сидеть надо будет кто где сумеет: в проходе и на ступеньках, потому что все места распроданы...

Сперва даже не поверили такому счастью.

– Чу-ук... откуда? – выдохнул Костик.

– Дядюшка дал. Его теперь снова взяли в униформисты, вот он и раздобыл... А я там маленько тоже...

– Что – тоже? – подозрительно сказал Вадик.

– Ну, приходите – увидите... – Чук неловко переступал растоптанными ботинками на тонких ногах.

Оказалось, что Чук – настоящий артист. Правда, сам он говорил, что работает лишь «на подхвате», но ребята вопили и хлопали от восторга. Например, когда выступал клоун Казимир Лукич и появлялся на сцене с контрабасом в футляре, Чук ловко вытаскивал большущий, но легкий инструмент и относил в сторонку. Униформисты убирали контра-

бас, а Чук прятался в футляре. Казимир объявлял свой музыкальный номер, вынимал за лямки из футляра мальчишку и начинал пилить его смычком. Чук издавал громкое мяуканье. Казимир Лукич пугался, а потом пускал из глаз длинные струи. Чук начинал утешать клоуна, давал ему крупную баранку. Они ломали баранку на двоих, начинали жевать ее, мирились и уходили с арены в обнимку. А опустевший футляр скачками спешил за ними следом: его дергали за невидимую веревку. Казалось бы, не так уж много смешного, но хохот стоял – под самый купол.

А другое выступление Чука выглядело просто героически. Был в программе номер «Живые скульптуры». Парень и девушка, сплошь покрытые алюминиевой краской, выполняли всякие акробатические упражнения, принимали позы садовых статуй и балетных танцоров. Им охотно хлопали. А под конец они прыгали на мотоцикл и начинали описывать по арене круги. Парень даже вставал на руки. На третьем круге выскакивал из-за барьера Чук с длинной палкой. И оказывался на заднем сиденье. На ходу Чук раскручивал на палке широкий красный флаг.

Для этого номера был у Чука специальный костюм: матросские клеши из белого атласа и алая рубашка с таким же, как брюки, блестящим воротником. Штанины и воротник трепетали, флаг полоскал на встречном ветру, оркестр играл музыку из фильма «Небесный тихоход»...

Мальчишки из четвертого «А» готовы были носить Чука

на руках, но он не гордился, смущался даже и старался всегда быть с тэковцами. Таким образом, цирковая слава задевала крыльями и Костика, Вадика, Бамбука и Бомбовоза.

«Ребята, попросите раздобыть контрамарочку!» – канючили одноклассники.

Чук старался не отказывать. В цирке его любили, а дядюшку жалели за неудачливую жизнь, и с контрамарками проблем обычно не было.

– Почему ты раньше ничего не говорил нам? – упрекали Чука друзья.

– А зачем раньше-то? Вдруг не взяли бы на этот сезон? Получилось бы, что нахвастался...

Теперь было ясно, откуда у Федорчука такая ловкость при игре в «жоску». С его-то гибкостью и ловкостью циркового актера! Он, кстати говоря, и жонглировать умел, и кувыр-кался, как настоящий акробат. Никто не сомневался и в том, что, если надо, Чук сумеет показать такую же ловкость и в драке: как изогнется, как впилит недругу локтем или пяткой – тот закачается... И в «жоску» он, как и раньше, обыгрывал всех.

Впрочем, азарт этой игры постепенно угасал, в конце весны о ней уже почти не помнили. В мае придвинулись другие, серьезные заботы. Четвероклассников ждали первые в жизни экзамены. Кто-то говорил «ништяк», но у Костика подрагивали коленки. Впрочем, все обошлось. Тройку за устную арифметику Костик считал вполне счастливой оценкой,

а остальные были четверки.

На дни экзаменов Чука освободили от выступлений в цирке. Дядюшка Юра ворчал. Чуку полагался кое-какой заработок, получал его за племянника Юрий Тарасович и кое-что «имел на этом», хотя тетка Аня сурово отнимала у него деньги:

– Хватит обирать ребятенка! Мало того что свои пропиваешь, так еще и мальчонкины готов тащить в «американку»!

«Американками» назывались дощатые забегаловки, где прямо у прилавка небритые посетители получали сто граммов водки в граненом стакане и бутерброд с засохшим сыром.

Дядюшка, если не успел набраться, ворчал, однако отдавал тетке Ане желтые рубли с портретом шахтера-стахановца и зеленые трехрублевки с красноармейцами в касках.

Но иногда Юрий Тарасович скандалил и замахивался на тетку. Чук бросался на защиту. Он был гибкий и быстрый, но что мог сделать против разозленного мужика? Тот хватал Вальку под мышку и лупил всем, что попадало под руку. Чук не раз появлялся перед ребятами с синими пятнами на лице и руках.

Такие скандалы порой случались на глазах у ребят, когда они заходили к Чуку домой.

– Хоть бы постыдился ребятишек! – орала на окосевшего родственника тетка Аня. – Валечка, не встречай, я его сама...

– Почему она его не выгонит? – спросил однажды прямолинейный Бомбовоз.

– А куда он денется? Загудит совсем, и его из цирка попрут. И меня заодно... А мне там нравится, в цирке...

Ему нравилось в цирке. Это была для него такая же радость, как ТЭК. Но вот кончилось лето, и между этими двумя радостями пришлось выбирать.

В конце августа Костик забежал к Чуку, чтобы доделать большущего воздушного змея «Горыныча», и стал свидетелем очередного скандала. Тетка орала на дядюшку Юру, что «никуда ребенок не поедет, а ты мотай хоть в преисподнюю!». На скуле у Чука был крупный синяк: видать, снова Юрий Тарасыч приложился. Сейчас он опять был «на рогах» и требовал, чтобы племянник «собирал манатки». Попробовал подбежать к Чуку, но промахнулся, запутался ботинками в лебеде и встал на четвереньки. Удивленно оглянулся, у него отвисла губа.

– Вот и мотай с этой позиции! – заявила тетушка Аня. – А мальчонку оставь в покое!

С такими словами она крепко надавила на торчащую корму Юрия Тарасыча подшитым валенком (в таких валенках она ходила круглый год).

Дядюшка Юра снова упал на живот, встал, пошатался и понуро пошел за калитку. За калиткой он остановился и стал потерянно смотреть через плечо. Тетушка Аня шагнула в

дом, вернулась и бросила вслед Юрию Тарасычу замызганный солдатский мешок. Дядюшка Юра подобрал его и побрел, согнув спину. Чук молча смотрел ему вслед. И Костик смотрел, пока дядюшка не свернул в кривой переулочек Татарский лог.

Потом Чук сказал:

– Цирк начал разъезжаться. Часть народу сегодня поедет в Омск... Ну и он тоже. И мне велел, чтобы я собирался... А мне это на фиг? Вот и сцепились... – Чук потрогал скулу. – Теть Анюта заступилась...

– Чук, не уезжай, – быстро сказал Костик.

– Да я и не собираюсь!

Они стали доделывать змея. Пришли Бамбук, Бомбовоз и Вадик. Доделали вместе. Запустили с берега Городского лога, у Земляного моста... Змей летал хорошо. И все было хорошо, только внутри у Костика сидела большая заноза...

Чук уехал через два дня.

Утром Костик прибежал к Чуку домой, чтобы починить пострадавшего во вчерашнем полете «Горыныча». Тетка Анюта хмуро протянула ему свернутый из газеты пакет.

– Вот... велел передать... А мне сказал: «Не могу я так. Поеду...» Уезжали в Омск Таня и Валера Чириковы, и он увязался с ними, упросил взять билет...

Таня и Валера были те «живые скульптуры», с которыми Чук выступал на мотоцикле.

Костик вялыми руками разорвал пакет. В нем оказалась книга «Морские рассказы». А еще – свернутое треугольником письмо.

Костик, не сердись. Я не хотел сначала, а потом подумал, что как он будет без меня. Он хоть и вредный такой, а все равно самый родной. Папин брат...

Чук, вспоминая отца, редко называл его папой. Все «отец» да «отец». А тут – вот так...

А еще Чук писал:

Книгу оставь себе. Для ТЭКа. ТЭК не рассыплется, я знаю. Все равно снова будет весна и будут корабли. Может быть, я снова приеду весной. Передавай привет Бомбовозу, Бамбуку и Вадику...

Чук не приехал. Осенью, зимой и весной он присылал письма, и казалось, что есть надежда на новую встречу. Но в мае Чук вдруг написал... из Севастополя. Оказалось, что у него там нашлась родная тетка, мамина сестра. До войны она жила в Джанкое, с отцом Чука не общалась, потому что были у них всякие нелады. Во время оккупации тетка была среди партизан, сделалась участницей Крымского подполья. Потом каким-то путем разыскала следы племянника, собралась за ним в Омск. Дело это было в ту пору нелегкое, но бывшим подпольщикам с их наградами и славой не стоило труда пробиться за помощью ко всякому начальству.

Так вот и оказался Валька Федорчук в родном городе – разрушенном, голодном, но родном.

Он писал и оттуда, но, по правде говоря, не очень часто. В каждом письме просил, чтобы сохранили ТЭК и весной снова устроили парусные гонки.

И мой кораблик вместе со своими пустите тоже...

Так они и сделали. И все было как в прошлом марте, даже более весело и многолюдно, потому что появились в ТЭЖе новые ребята. «Бом» – «бра м»...

Только не было Чука...

Ну а дальше все как обычно. Годы шли, тэковцы росли и становились взрослыми. У каждого сложилась своя жизнь. В переулке Капитана Лухманова снова почти никто не появлялся. Но «океанская» лужа разливалась весной по-прежнему, и в ней, как и раньше, отражались белые, будто бомбрамсели, облака. А в мае и июне здесь густо расцветали одуванчики. Мало того! В конце лета одуванчики распускались вторично. Не так обильно, как весной, но все-таки ярко и жизнерадостно. Словно переулок ждал других, лучших времен...

Часть первая. Старинный почерк

Крещенские морозы

Пришел праздник Крещения. И за ним начались небывало холодные дни.

На фоне общих разговоров и международных конференций о всеобщем потеплении климата нынешние морозы были как насмешка над этой болтовней. Настоящие крещенские морозы! Бабки в магазинах рассуждали: «Вот оно! Природа наша все равно берет свое! Никакие американцы в телевизорах ей не указ...»

В самом деле: выскочишь на улицу – и перехватывает дыхание!

Матвей все-таки выскочил, прикрывши подбородок и нос колючим шарфом (тот сразу заиндевел). Синел рассвет, светились окошки, слегка сплюснутая луна простуженно желтела рядом с куполом вновь отстроенной Ильинской церкви. У пристани сипло вскрикивал тепловоз...

В школу можно было не ходить: накануне по местному ТВ опять отменили занятия с первого по девятые классы. Но старший брат Мирослав усвистал в клуб «Речник», в котором занималась группа «Резонансы», а Матвею что делать дома одному? Валяться в постели – это слабость характера.

К тому же пятиклассник Матвей Рошин обещал принести своему учителю Брагичу книжку «Побежденный Карабас» – продолжение «Золотого ключика». То есть не самому Брагичу, а его сыну – лопухому первокласснику, по прозвищу Крылатый Эльф. Уж Элька-то вместе с отцом точно торчит в школе.

До школы – полтора квартала. А точнее, сто девяносто шесть Матвеевых шагов.

В школе было пусто. Почти пусто. Лишь косо глянул на мальчишку охранник дядя Игорь, да за дверью химического кабинета на втором этаже слышались голоса – там занимались десятиклассники. Потом что-то негромко взорвалось, и раздался одобрителный смех. Матвей поднялся на третий. В приоткрытой двери пятого «А» светилась похожая на тонкую букву «Г» щель. Матвей шагнул через порог.

Брагич за столом проверял тетради. И Элька конечно же был здесь: он деловито пыхтел на задней парте.

– Здравсте, – сказал Матвей в пространство.

Брагич кивнул, не поднимая головы, и поймал упавшие с утиноного носа очки.

Элька обрадовался:

– Мак! Иди сюда! Помоги присобачить хвост к голубку... – Он мастерил из клетчатого листика бумажную птичку.

– Эльдар, что за выражение... – рассеянно пристыдил его отец.

– А чего? Оно же не ругательное...

– Оно неточное. Разве можно присобачить хвост к голубю?

– А как сказать? Приголубить, что ли? – Элька, сын учителя-филолога, кое-что смыслил в русской стилистике.

Матвей (он же Мат-Вейк, капитан Мак'Вейк и просто Мак) хихикнул, подошел и умело вставил хвостовое оперение под бумажные крылышки.

– Надо уголки подгибать, я же объяснял...

– Ага...

Брагич глянул из-за очков.

– А чего тебя, друг мой, принесло сюда в такой арктический холод? Я – это понятно: по долгу службы, Крылатый Эльф – из-за нежелания сидеть дома в одиночестве, а ты?

– Я тоже из-за нежелания... И «Карабаса» Эльке принес. Я же обещал вчера...

– Ой! – возликовал Элька. Остренькое лицо засветилось. – А я боялся спросить. Думал, вдруг ты забыл!

Матвей вытянул из закоченевшего рюкзака растрепанную книгу.

– Рощин человек чести и слова, – ровным голосом сообщил Брагич. – За это, Мак, я готов слегка нарушить педагогические нормы и сделать для тебя послабление. Хочешь переписать диктант?

– Зачем? Двойка, что ли?! – возмутился Матвейка. Сроду не бывало у него двоек по русскому.

– Четверка. А могла быть пятерка. Если бы не сделал глупую ошибку.

– Какую?

– Ты считаешь, что слово «аллигатор» происходит от музыкального термина «аллегро»?

– С чего вы решили? – не очень почтительно удивился Мак.

– А почему у тебя написано «аллегатор»?

– Где?! – Матвейка подскочил и глянул Брагичу через плечо. – Ну Андрей Ренатович! Ну разве это «е»? Это у «и» не дописался крючок. Бумага лощеная, паста не всегда прилипает...

– Д-да? – Брагич добросовестно пригляделся.

– Па, Мак правду говорит, – вмешался Элька: он оказался рядом.

– Ты отстаиваешь клановые интересы, – сказал Брагич.

– Я отстаиваю правду! – Крылатый Эльф возмущенно помахнул ушами.

Кстати, Крылатым звали его именно за эти уши – большие и треугольные, как у настоящего эльфа из кино про Средиземье. Похожие на растопыренные дельтапланы. И Элька гордился. Он был из тех, кто умел свои недостатки превращать в достоинства.

– Не надо мне пятерку, – со сдержанной обидой сообщил Матвейка. – А как пишется «аллигатор», я знаю с первого класса. Когда учил стихи:

Аллигатор вздохнул

И, сытый, в зеленую воду нырнул.

– Это про упрямого Фому, Сергей Михалков, – уточнил начитанный первоклассник Эльдар Ибрагимов.

– Ладно, я не буду упрямым Фомой... – Брагич красным стержнем зачеркнул в углу страницы четверку и поставил «пять». – Может быть, такое доброе дело поможет качнуть весы мироздания в сторону позитива.

– Это как? – спросил Элька. Он подозрительно относился к непонятным фразам.

– Избавит планету от какой-нибудь очередной беды.

– Одна пятерка? – усомнился Крылатый Эльф.

– Мелочи бывают очень важными. Давным-давно маленький голландский мальчик заткнул в плотине крохотную щелку и спас от наводнения страну...

– А-а! Я читал! – вспомнил Элька. – Но здесь-то как... – И не договорил.

– Можно? – раздался нерешительный голосок.

На пороге стояла девочка. И Мак сразу понял, что это Чешуйкина из пятого «Б». Потому что девочкины веснушки, будто зеркальца, отразили мягкий свет плафонов.

Такие веснушки были только у одной ученицы в школе номер сорок. По крайней мере, так отмечал про себя Мак.

Они были заметны не всегда, а лишь при определенном повороте лица. Шевельнет головой – и пятнышки цвета спелого овса на миг отражают свет. И поэтому фамилия у хозяйки веснушек казалась подходящей: они как чешуйки золотистой рыбки.

Однако не надо думать, что Матвей Роцин заглядывался на девчонку. Потому что, кроме веснушек, ничего особенного в ней не было. Чешуйкина, вот и всё. Птичий «клювик», рыжеватые кудряшки, тихий нрав (никогда не бегала, не толкалась в буфете)...

– Еще одно морозоустойчивое существо, – сказал Брагич. – А тебя что за судьба принесла? И почему ты такая... демисезонная?

Чешуйкина была в короткой меховой курточке, из-под которой торчало форменное клетчатое платье, в лыжной вязаной шапочке, в легких сапожках. И колготки, похоже, не шерстяные, а тонкие. Ну прямо осенний наряд.

– Меня папа привез, – виновато объяснила Чешуйкина от порога. – Если в машине, зачем кутаться... Сказал, что после двенадцати заедет, и укатил. Я вошла, а в школе пусто. А дядя Игорь давай рычать: «Ходят тут, когда уроков нету, суета одна! Иди домой...» А как «иди»? Мы на Профсоюзной живем, на автобусе надо, а его не дождешься...

– Полная драма, – заметил Элька, любивший литературные выражения.

– Ну да, – согласилась Чешуйкина и поставила к оранжевым сапожкам такой же оранжевый рюкзачок. – Я стала папе звонить, но батарейка выдохлась. Я такая растяпа – всегда забываю зарядить... А у дяди Игоря я побоялась просить телефон... Пошла наверх, подумала, что, наверно, увижу хоть

кого-нибудь и попрошу...

– Страшнее дяди зверя нет, – сообщил юный Ибрагимов.

– Эльф, не чеши языком, а дай девочке мобильник, – велел Брагич.

– Он дома...

– Разгильдяй!.. Чешуйкина, возьми мой.

– Спасибо, Андрей Ренатович.

Она застучала сапожками от порога к учительскому столу. Но Брагич, похлопав по карманам пиджака, с досадой сдернул очки.

– Одно к одному... Кажется, оставил в учительской...

Матвей выдернул из нагрудного кармана свой телефон.

– На, звони...

– Спасибо... Ой, в точности как мой... – Чешуйкина привычно понажимала кнопки, прижала плоскую «Нокию» к уху. – Ну вот... Папа говорил, что у них технологическое совещание. Они в такое время всегда выключают телефоны. Это часа на три...

– Невезуха... – подвел итог Эльф.

Он запустил бумажного голубка через класс и теперь выцарапывал его из-за дальней парты.

– А можно я здесь папу подожду? – попросила Чешуйкина. – У меня с собой есть книжка...

– Какая? – насторожил уши-локаторы Элька.

– «Мы на острове Салькрока...»

– А-а! Я читал...

Брагич почесал очками ухо.

– Здесь, душа моя, оставить одну я тебя не могу. А нам с Ушастым надо скоро ехать домой. Сейчас вызову такси, и давай поедem вместе к нам. Я буду дома печатать всякие отчеты, а ты учить Эльку хорошим манерам.

– Я не поддаюсь дрессировке, – сообщил Элька, выбираясь из-за парты. – А домой нам сразу нельзя. Мы же обещали заехать за мамой, а потом к тете Наде, чтобы забрать у нее в починку ноутбук...

– Тьфу ты... Да подождет она с ноутбуком.

– Будет скандал. Ты не знаешь женщин?

«Одно к одному», – отозвались в Матвее недавние слова Брагича. И что было делать? Вовсе не нужна ему была эта Чешуйкина, несмотря на ее симпатичные веснушки. Но если человеку некуда деться...

– Двигаем ко мне, Чешуйкина... – И чуть не добавил: «Ничего другого не остается».

И шевельнулось вдруг ощущение, что все это не просто так, а... какая-то «подсказка судьбы». Правда, не сильно шевельнулось, чуть-чуть...

– Пешком? Девочка заоченеет, – сказал Брагич.

– Не успеет. Бегом тут полторы минуты...

– Ой... наверно, неудобно... – засомневалась Чешуйкина.

– А что удобно? Замерзать под забором, как Девочка со спичками у Андерсена?

– Я читал... – вставил Эльф.

– Правильное решение, – рассудил Брагич. – Напои гостью горячим чаем...

– Да. А за это буду эксплуатировать на домашней работе...

Чешуйкина, кажется, обрадовалась:

– Тогда ладно!.. – И натянула на шапочку капюшон с такой же курчавой оторочкой, как ее кудряшки.

За дверь Чешуйкина заспешила по коридору, а Мак оглянулся на пороге.

– Андрей Ренатович, а про Огонька... ничего больше не слышно?

Брагич сказал насупленно:

– Как не слышно... Слышно. Только ничего нового...

Горячая вода

На улице, в синем рассветном воздухе, опять перехватило дыхание. Чешуйкина ойкнула и прижала к губам варежку. Матвей ухватил ее за другую. И побежали, как бы проламываясь через длинные ледяные иглы.

Чтобы отвлечь девочку от холода (но и не только для этого), Матвей выговорил на бегу:

– Послушай... ты не обижайся, но... я даже не помню, как тебя зовут... потому что чаще по фамилиям...

Она не обиделась и не удивилась. Выдохнула из-под варежки белый парок:

– Маша меня зовут... А тебя, я знаю, Матвей... или Мак...

– А откуда знаешь... что Мак?..

– Слышала, как тебя брат окликал. Мирослав... Я его тоже знаю: мы вместе в концерте выступали.

Ее мигом застывшие сапожки твердо стучали по заледенелому асфальту.

– Уже сейчас... будем дома... – пообещал Матвей.

Как бы не так!

Ну кто мог ожидать такую подлость!

Когда свернули на Пароходную, увидели, что над тротуаром извергается гейзер. Клубы пара синели в утреннем воздухе, вода урчала и заливала перекресток. И когда успела

случиться авария? Ведь полчаса назад все здесь было спокойно! Видать, от мороза лопнула труба...

Неподалеку чернела аварийная машина, переругивались рабочие. От гейзера несло теплом, но вокруг уже выросла бугристая наледь. По ней сбегал кипяток, дымился, растекался в широченную лужу и остывал, но замерзал не сразу. Матвей охнул, представив, какой окружной путь им предстоит. Озеро на полквартила! Он потянул Машу:

– Давай вон туда! Может, проскочим!

Слева, в полусотне шагов, кто-то успел проложить мостики – хлипкие досочки на фанерных коробках и перевернутых ведрах.

– Маша, жми вперед! Если сорвешься, я поймаю!

– Ага! – храбро отозвалась она.

Не успел он поймать, балда неуклюжая! Сапожок сорвался с доски, вода хлынула в коротенькое голенище.

– О-ой!.. – Наверно, здесь, вдали от фонтана, вода была уже ледяная.

Мак ухватил Машу за бока, рывком поставил на доску, толкнул в рюкзачок:

– Беги! Вон к тому дому!

Двухэтажный деревянный дом громоздился над застывшими кустами совсем рядом. Но все же, пока бежали к воротам, ноги успели заледенеть – не только у Маши, но и у Матвея. Он успел зачерпнуть воду меховым ботинком.

Ворвались в калитку, дернули дверь на старинном крыль-

це. Полутемные сени сразу дохнули теплом с запахами столетнего дома. Тоже не лето, но можно отдышаться. А потом – на второй этаж, по лестнице с пузатыми столбиками разошедшихся перил... Ключ – в скважину. Обитую стеганым войлоком дверь – на себя! Ух... Загоревшаяся в прихожей лампочка показалась удивительно уютной.

Мак сдернул с Маши рюкзачок и куртку, толчком усадил ее на скамейку под вешалкой, двумя взмахами стянул сапожки.

Правая ступня была мокрая. А левая нога – сырая чуть не до колена. Мак испуганно ухватил ее в ладони, размял, но понял, что это бесполезно. Щипком дернул колготочную материю.

– Вот что, снимай это дело. И повесь вон туда, на батарею. А я устрою горячую воду...

– Ой, Мак... неудобно...

– Хочешь помереть от чахотки? Да не стесняйся: никого дома нет...

То, что не надо стесняться его, Мака, подразумевалось как бы само собой. Они же спаслись от одной беды!

Он сбросил ботинки и, оставляя мокрые следы, убежал в ванную. Сдернул с гвоздя жестяное корытце, грохнул им об эмалевое дно, пустил из крана тугую струю. Вода была вполне горячая, без скидок на морозы. Корытце отозвалось жаром, паром и гудением. Мак положил над ним, поперек ванны, полку от старого стеллажа, получилась скамья. Он сбегал

на кухню, принес тубик горчицы, выдавил в воду желтого червяка, разболтал. Горячо, но терпимо. Так и надо.

– Маша, где ты там? Иди сюда!

– Куда идти? Я заблудилась! Такая квартирища...

Мак выскочил в прихожую. Маша смущенно топталась на коричневых половицах голыми белыми ногами.

– Пошли...

– Ой... – Она слегка заупиралась, видимо машинально.

Мак взял ее за локти, буквально вдвинул в ванную. Рывком усадил на скамью, развернул. Маша снова ойкнула и вздернула ноги. Мак ухватил их за щиколотки, решительно поставил в корытце, жестяное дно гулко прогнулось.

– Ай, Мак! Горячо же!

– Не дрыгайся! Скоро притерпишься...

– Я сварюсь!

– Зато не будет никакой простуды. Это мамино решительное средство...

Все-таки приятно чувствовать себя спасителем слабого симпатичного существа. Этакое пушистое тепло щекочет жилки... Впрочем, «существо», наверно, не столь уж беспомощное. Да и симпатичности у него – одни лишь веснушки. Они, кстати, совсем теперь не видны – растворились в свете желтого плафона... Хотя нет, иногда все же проблескивают.

Маша опять хотела поднять ноги.

– Терпи! – Мак пальцами надавил на ее твердые коленки.

Они стали мокрыми, заискрились, и – вот забавно! – на

них, так же, как на щеках, мелькнули чешуйки овсяного света. Мак смутился и отвел глаза.

– Жарко, – пожаловалась Маша.

– Сними свитер, я повешу...

Маша послушно стянула зеленый свитерок, взъерошив при этом желто-серые кудряшки. Протянула Маку. Он унес его на вешалку, предупредив через плечо:

– Не вздумай выскакивать!

А ноги все еще ломило от холода. В комнате он стянул сырые носки, вылез из пиджака и брюк, сбросил рубашку. Остался в тоненьком спортивном костюме. Поддернул до колен узкие штаны и вернулся к Маше. Она сидела тихо, уже не пыталась выдернуть из воды ноги.

– Терпишь?

– Ага...

– Маш... а можно я сяду с тобой? А то ведь я тоже промочил. Мурашки в позвоночнике...

Она не удивилась и не смутилась. Подвинулась.

– Давай скорее, пока мурашки совсем не сгрызли.

Мак не стал садиться рядом. Выдернул из угла гладильную доску, положил над корытцем против Маши. Сел с размаху, сунул ноги в воду.

– О-ой! И правда горячо!

– Вот видишь, а меня заставил...

– Но для пользы же... А ты терпеливая.

Маша смешно посопела.

На шее, в разрезе клетчатого платица, у нее блеснул сплетенный из серебристой проволоки крестик. Мак посмотрел на него и сказал:

– Каждому свое испытание. Кому горячая вода, кому ледяная. Сегодня ведь Крещение. Некоторые люди в прорубь окунаются, несмотря на мороз.

– Ненормальные...

– Ну почему ненормальные?! Раз такой обычай...

Маша сразу поправилась:

– Ненормальные не потому, что глупые, а потому, что с особым устройством организма...

– И характера... Я бы каждому давал орден Храбрости... Двенадцатой степени... А тебе орден Терпеливости. За горячую воду...

Она впервые улыбнулась. Посмеялась даже... И вдруг ойкнула.

– Что? – испугался Мак.

– Кажется, ногу сводит...

– Которую?

Маша сморщилась, шевельнулась:

– Эту...

Они сидели, перепутавшись в воде ногами (как-то незаметно это получилось), и теперь Мак ощутил краем ступни затвердевшую Машину мышцу. Сжал девчонкину ногу двумя подошвами, как тисками, и начал толчками разминать ее.

– Легче?

– Ой... да... Отпустило.

– А у тебя раньше так случалось?

– Да. Но не часто...

– Ты будь осторожней во время купания. А то как скрутит на глубине... Меня один раз скрутило. Хорошо, что Мир был рядом... Он всегда рядом...

– Меня тоже один раз... на глубине. На даче... А рядом был соседский мальчишка, Борька Челябин, по прозвищу Танкоград. Он меня тут же выволок на песок за волосы... У меня волосы были тогда как шапка. Может, помнишь какие, когда мы были в четвертых классах.

– Помню, – соврал Мак. То есть сперва соврал, а потом в самом деле вспомнил девчонку из четвертого «Б» с прической из густых пыльно-желтых колец. И спросил с неожиданной ревнивым щекотаньем: – И ногу он тебе тоже массирует?

– Нет, она сама прошла. С перепугу...

– Но, наверно, этот Танкоград в тебя сразу влюбился? Храбрые принцы всегда влюбляются в спасенных кудрявых принцесс... – Это уже без всякого щекотанья, а так, с дурачеством.

Маша шмыгнула носом-клювиком.

– Он был не принц, а хулиган. Я с ним на следующий день чуть не подралась...

– Почему?!

– Из-за одного мальчишки. Маленького, похожего на Эль-

ку. Или, вернее, на Федю Огонькова, только поменьше. Помнишь Огонька?

– Кто его не помнит...

– Ну вот... А этот Данька такой же, щуплый, как кузнечик. Таких часто оттирают в сторонку... У Борьки был полевой бинокль, он всем ребятам по вечерам давал посмотреть на Луну, полнолуние назревало. А Даньке не давал, издевался даже: «Руки – как соломинки, уронишь бинокль на ногу, она раздавится, а мне отвечать...»

Я говорю:

«Приятно измываться над тем, кто меньше, да?»

А он:

«Если жалеешь его, дай свой бинокль».

«Издеваешься, да? У меня же нет!»

И тогда он вдруг:

«А хочешь этот получить?»

Я говорю:

«За какие денежки?»

«А давай поспорим на что-нибудь. Если выпоришь – будет твой...»

Я сперва не поняла, к чему это. А он вдруг:

«Спорим, что не сможешь состричь машинкой свои кудри! А если сострижешь, бинокль – твоя добыча...»

– Вот сволочь! – искренне сказал Мак.

– Ну нет... Наверно, его просто что-то царапало внутри... такое... Он ведь не думал, что я это по правде сделаю...

– А ты сделала?!

Я говорю:

«Давай. Только с ремешком и футляром»...

– Ненормальная, – убежденно сказал Мак. – Не потому, что особый организм, а сумасшедшая...

– Две мастерицы в поселковой парикмахерской так же сказали. А я им объяснила, что это для кино. Мол, поблизости снимают фильм, и в нем нужна стриженная девочка. Ну, они сразу меня зауважали...

– А на самом-то деле зачем ты это? Из-за бинокля?

– Ну... главным образом из-за Даньки. Жалко его было... А еще назло Танкограду. Ну... и еще...

– Что? – осторожно спросил Мак.

– Понимаешь, хотелось хоть одно лето побыть настоящим мальчишкой. Чтобы вместе со всеми футбол гонять, по оврагам лазить, в разбойников играть...

– С волосами разве нельзя?

– Можно, только... ну всё будто понарошку. Мама с бабушкой ахали: «Ты же девочка!» Мама крик поднимала, если видела меня в шортах... А тут уж никуда не денешься...

– И что сказала мама? – хмыкнул Мак.

– Упала в обморок. Сделала вид... Полежала две минуты и уехала в город, а оттуда в командировку, в Омск. Она работает экспедитором в фирме «Стекланный мамонт»...

– А бинокль-то этот... Танкоград... тебе отдал?

– А куда бы он делся? Он же при всех пообещал. Маль-

чишки его сгнобили бы...

Мак подумал, что еще сказать, и спросил:

– Как нога-то? Не болит больше?

– Ни капельки... А вода уже и не горячая, а просто теплая. Будто мы на мостике у прогретой лужи. И будто лето вокруг...

– Значит, у тебя осталась память о том лете, да? Бинокль...

– А вот и нет! Я его сразу Даньчику отдала. Мне-то зачем? У меня дома есть сорокакратная труба, папин подарок... А про лето у меня и без того осталась память. Меня стали звать не Машей, а Мишей, Мишкой. И всё мне стало можно... как стриженому Мишке. Из рогатки стрелять, по березам лазать и даже драться...

– Ты умеешь драться? – огорчился Мак. Почему-то не хотелось ему, чтобы она была... чересчур уж Мишка. Ведь с виду-то совсем не такая.

– А это и не надо уметь, – деловито объяснила Маша. – В драке главное – не бояться. Сцепи зубы, размахивай по сильнее кулаками – противник и не выдержит... Танкоград в этом скоро убедился.

У Матвея шевельнулась мальчишечья солидарность.

– Маш, он ведь все-таки спас тебя...

– Ну... да. Поэтому я и лупила его не сильно, а слегка...

«Небось не очень-то он и сопротивлялся...» – подумал

Мак. И спросил:

– А Данька? Наверно, был рад без ума от бинокля?

– Рад... Но главное не в бинокле. Он сделался как мой спутник. Не как ординарец какой-нибудь, а просто... мы всегда стали вместе. Он один раз сказал: «Если с тобой что-то случится, я тебя спасу не хуже, чем Танкоград...» А когда я уезжала, даже расплакался...

– И ты. Да? – в упор сказал Мак.

– Ну и что? Был конец лета, волосы отросли немного, я опять стала почти как девочка... Мак, давай выбираться на сушу, пора...

Скоро будет весна

Мак выбрался первым, кинул на пол махровое полотенце для ног, принес из прихожей меховые туфли-шубенки.

– Надевай...

Маша почему-то снова сказала «ой», но послушалась. Потопталась.

– Пушистые какие...

Она тоже сходила в прихожую, стеснительно оглянулась, пощупала на батарее колготки.

– Еще не совсем высохли...

– Ну и подожди, не влезай в них: торопиться некуда. Я же обещал загрузить тебя домашней работой.

Она обрадовалась:

– Какой? Давай! Только знаешь что? Поставь мой мобильник на подзарядку! А то папа начнет звонить, разволнуется...

Мак поставил (подзарядники-то одинаковые). Потом повел Машу в большую комнату, которая называлась «столовая» (хотя обедали, как правило, в просторной кухне). Слева от окна стояла на журнальном столике елка. Большущая, под потолок. Искусственная, но очень похожая на лесную, даже с шишками. Казалось, что от нее тянет хвойным запахом. Тихо закачались, заискрились игрушки.

– Красота какая! – выдохнула Маша. – А я свою давно

разобрала...

– Мы с Миром тоже давно собирались, да все как-то... со дня на день... А теперь уже Крещение, последний праздник Святков, дальше тянуть неловко.

– Почему? Она же не осыпается.

– Ну, все равно... Будто нарушаешь закон календаря...

– Надо снимать игрушки, да?

– Сейчас принесу стремянку. Буду снимать верхние и ронять тебе на голову. А ты будешь их складывать в коробку – те, которые не разбились.

– Ладно. А осколки куда?

– Разберемся по ходу дела...

Мак принес из кладовки картонный ящик и дюралевую лесенку. Хлопая домашними тапками, забрался на верхнюю ступеньку. Потянулся к радужной стеклянной звезде.

– Ой, подожди, – попросила снизу Маша.

– Жду. А зачем?

– Мак, а лампочки работают?

– Конечно!

– Давай включим на минутку. Чтобы попрощаться с елкой.

– Ох я дубина, забыл! В прошлый раз мы так и делали...

Он прыгнул на пол (чуть не раздавив и коробку и Машу). Сунул в розетку коробочку-штепсель. И заиграла среди веток и мишуры новогодняя сказка. Они постояли рядом, подняв головы. И даже незаметно взялись за руки. Через мину-

ту Мак встряхнулся:

– Подожди, я сейчас!

Он выбрал в холодильнике большущее красное яблоко. Принес к елке.

– Вот! Это празднично-прощальное угощение. Кусай первую...

– Ой... давай... – И хрум-хрум.

Он тоже откусил и захрустел.

Так они, пересмеиваясь, кусая по очереди и глядя на огоньки, сжевали почти все яблоко. Мак великодушно оставил Маше крупный огрызок и опять полез к потолку. Очень осторожно снял звезду. Спустился к Маше и отдал верхушку. Маша побаюкала ее, будто живую...

И так он поступал со всеми игрушками, которые висели вверху, – шарами, корабликами, клоунами, лягушатами... Маша каждую рассматривала, прежде чем опустить в ящик. Иногда говорила «какая хорошенькая» (или «какой хорошенький»).

А лампочки всё горели...

Мак сказал, отдавая Маше ватного крокодила:

– Все-таки грустное это дело – снимать наряд с елки...

Маша не согласилась:

– Ну, не такое уж грустное. Ведь вспоминается праздник.

– А еще вспоминается, что долго не будет ничего хорошего. Каникулы кончились, впереди ползимы, холод как на полюсе, радостей никаких. «Дети, у вас самая ответственная учебная четверть»... – это он очень похоже изобразил «англичанку» Эльзу Борисовну.

Маша посмеялась, но опять возразила:

– В этой половине зимы уже будто просыпается весна. То есть ее ожидание. Солнце ярче, день длиннее. И облака бывают пушистые, как вата. Строишь на них и думаешь: скоро март...

– Ага, «скоро»! Задубеешь, пока дождешься...

– Ну... если до марта еще далеко, можно себя утешать: «Вот уж скоро будет скоро»...

– «Утешение – умора», – досадливо срифмовалось у Матвея.

– Дразнишься, да?

– Да. И сейчас брошу тебе на кумпол этот шар.

– Бросай, у меня волосы пружинистые...

Отблески лампочек искрились у нее на кудряшках. Мак подумал, что, конечно, не шар, а вот этого пластмассового лягушонка можно бы и уронить (если осторожно).

Верхняя часть елки была уже свободна от игрушек. Мак стоял теперь на нижней ступеньке, голова Маши оказалась чуть ниже его колена. Кудряшки коснулись голой ноги, и пробежалось по нервам щекотательное замирание. Маша этого не заметила: она разглядывала ушастую куколку.

– Мак, смотри! Что-то знакомое... То есть кто-то знакомый.

– Еще бы! Это же Крылатый Эльф, сын Брагича.

– Ой, точно! Вылитый Элька... Мак, это кто его слепил?

– Сама не догадаешься?

– Ох... Огонек, да?

– Конечно!

Огонек, Федя Огоньков, четвероклассник, похожий на сверчка с удивленными глазами. Известный всей школе «Мастик-пластик». «Мастик» – от слова «мастер», «пластик» – потому что лепил из пластилина и каких-то специальных, быстро твердеющих составов. Его коньки-горбунки, динозавры, карлсоны с пропеллером, буратино, рыцари, марсиане, дюймовочки и танцующие слонята появлялись повсюду: на выставках, школьных лотереях, ветках новогодних елок, просто на подоконниках в классах, на полках в кабинетах... Иногда он лепил и маленькие портреты. Однажды сделал для Дня искусств статуэтку школьного директора Льва Сергеевича – сутулого, с носом-огурцом и уж-жасно грозными бровями. Все покатывались со смеху. Правда, кое-кто боялся, что директор разгневется, но он тоже посмеялся,

а статуэтку после выставки выпросил у Огонька для своего кабинета. В обмен подарил «Мастику-пластику» модель старинного автомобиля...

Мак поставил кукольного Эльку на ладонь.

– Я его выиграл в лотерею на Осеннем празднике. Огонек туда кучу своих поделок отдал...

– А-а! Я помню. Только я там ничего не выиграла... Мак, а почему с ним так случилось? Ни с того ни с сего? Никто не может объяснить...

– Ну, лейкомия же, рак крови... – Мак сжал в себе холодок. – Такое хоть с кем случиться может. Ходит человек, ничего не чувствует, а потом раз – и с ног долой... Ну и начинается по всем газетам-интернетам: «Помогите мальчику, помогите девочке, нужен миллион для операции!..» А где его возьмешь, миллион-то? Был бы сын олигарха – другое дело...

– Не знаешь, много уже собрали?

– Мирослав говорит, что немало. Только нужно в десять раз больше – для пересадки костного мозга... В разных местах проходят всякие сборы и концерты, да сразу разве наберешь... Мир уже несколько раз выступал...

– Мак, а отчего такая болезнь? От какого-то облучения?

– Наверно, так... А про Огонька говорят, что еще и от нервов.

– От каких нервов?

– Ты не знаешь разве, что его хотели забрать из дома?

– Мак... я не знаю. Как – забрать?

– Нам Брагич рассказал. Огонек жил... живет с матерью и старшей сестрой... у них две комнаты. Соседям эти комнаты давно нравятся. Вот они и склепали заявление: мать не заботится о сыне, ведет... этот... анти-социальный образ жизни, издевается над мальчиком. Подали в контору, которая называется «Опека», она вроде бы как для защиты детей...

– А-а, я слышала! Даже телепередача была! Как они забирают ребят в детдома. Заглянут в холодильник и, если там нет апельсинов или йогурта, сразу: «Вы морите ребенка голодом!» И хватить его в приют...

– Да! И никто им не указ!

– Папа сказал, что, если бы такие явились к нам домой, он пристрелил бы на пороге.

– А у Огонька-то стрелять некому. У сестры порок сердца, у мамы здоровье тоже еле-еле... Ну вот, стали эти тет-ки-опекунши приказывать: «Пусть мальчик собирается». А он стоял рядом... Стоял-стоял, а потом бах навзничь! Сперва думали – обморок. Потому что кто выдержит, когда забирают от мамы. Потом засуетились, вызвали врача. Его на «скорой» в детскую больницу, анализы всякие. Ну и нашли вот такое... такой диагноз... Одно хорошо – теперь уж никакая «Опека» его не заберет...

– Почему?

– Потому что ей нужны здоровые. Такие вот талантливые, воспитанные, но без всяких болезней. Чтобы можно было

перепродать в какую-нибудь богатую семью или за границу.
Прибыль...

Мак не замечал, что говорит уже не свои слова, а слова
Миры, а то и Брагича. Впрочем, какая разница...

– Не приведи господь, – по-взрослому сказала Маша.

– Да... – сказал Мак.

Щуплый большеглазый Огонек словно стоял рядом с ни-
ми...

Они в молчании, будто виноватые в чем-то, закончили
снимать игрушки. Мак выключил и снял гирлянду. Вдвоем
унесли коробку в чулан. Мак, сосредоточенно дыша, уложил
на пол и начал разбирать елку. Маша сосредоточенно помо-
гала. Сказала, почесывая ноги:

– Искусственная, а колется, как настоящая...

– И пахнет, как еловое мыло в ванной...

– Ой, Мак, я вспомнила. Там, в ванной... календарь с ко-
раблем. Это что за корабль? Красивый такой...

– А-а! Это прошлогодний календарь. Мир его сохранил,
потому что на нем барк «Диана». Учебное судно. Раньше оно
было румынское, а во время войны его взяли как трофей.
Оно долго-долго стояло на приколе, потом сделали ремонт,
превратили в парусную школу для морских курсантов. Мир
мечтает пойти на нем в плавание.

– Разве он курсант?!

– Конечно нет. Но туда иногда набирают группы старше-
классников. Победителей всяких викторин и конкурсов на

морские темы. Записывают их в юнги. Дают даже бескозырки с ленточками «Юнга „Дианы“», буква «И» там старинная, с точкой. Так раньше назывался шлюп капитана Головнина, на котором тот ходил в Японию. В девятнадцатом веке... А у Мира всяких побед – целая куча...

– Ух ты-ы!.. А какое будет плавание? Кругосветное?

– Для «Дианы» да. А экипажи будут меняться. В разных портах. Миру обещают рейс от Владивостока до Кейптауна, а оттуда самолетом домой...

– Вот счастливый!.. Мак...

– Что?

– Ты... наверно, завидуешь, да?

– Вовсе нет, – сказал он как можно тверже. – Братьям нельзя завидовать. И к тому же это плохая примета: дело может сорваться... Я изо всех сил мечтаю, чтобы он поплыл. Это ему награда за всё...

– За конкурсы?

– Да... И за то, что чуть не погиб два года назад...

– Господи... – прошептала Маша.

– Его избил какая-то шпана, когда вечером шел из клуба.

Просто так, ни за что. Бросили на снегу. Нашли его со всякими сотрясениями, со сломанной ногой. Потом еще воспаление. Мама сама чуть не слегла в больницу. А он пролежал полтора месяца. В заречном стационаре... Но зато именно там он узнал про капитана Лухманова. С этого все и началось...

Капитан Лухманов

Декабрьским вечером шестиклассник Мирослав Роцин возвращался из клуба «Речник» с занятий гитарной школы «Резонансы». Ну и подвалили четверо. Каждый выше на голову. Он даже не успел понять, что им надо. Впрочем, таким всегда надо одно: бить. Избили до потери сознания, кинули к забору в снег.

Нашли мальчишку только среди ночи, когда мама подняла на ноги милицию. Она не оставила в покое ленивых стражей порядка, когда те убеждали, что «пацан где-нибудь глушит с дружками пиво, очухается и придет».

«Неправда, он не такой!»

«Все они „не такие“. А мы должны машину гонять вслепую...»

Мама не отступала. Она сказала, что утром пойдет к мэру города, а еще поднимет на ноги молодежную дружину «Щит». Этих ребят милиция терпеть не могла и слегка боялась. Плюнули, поехали искать. Нашли...

Мирослава Роцина выхаживали в старой больнице, в Заречном районе. Там у мамы были знакомые врачи. Хирург Владимир Маркович сказал, что, если бы Мир провалялся в снегу еще около часа, его не спасли бы. Он сам написал про это в газету. Начальника милицейского отделения торжественно уволили со службы, а через две недели нетор-

жественно и незаметно назначили заместителем управления МВД всего района.

Мама и Матвей приезжали почти каждый день. Одного Матвея мама в больницу, конечно, не пускала (в Заречный район, через полгорода, через мост, после того, что случилось со старшим сыном!..) Зато разрешала Маку оставаться у Мира в палате на полдня – с утра до обеда или с обеда до вечера. Врачи тоже не возражали. Мир потом сказал, что «это было не самое плохое время».

О чем они тогда только не говорили! О гигантских телескопах на орбите, о птеродактилях, о книжках Кира Булычёва, о доспехах римских легионеров, о подземных туннелях под фундаментом Благовещенского собора, о похожести галактик и микрочастиц. И о девочках, разумеется («Мак, только я ей ничего не сказал, а потом она перешла в другую школу...»). И о папе, которого Матвейка почти не помнил. И о всяком таком, про что могут говорить один на один только очень доверяющие друг другу мальчишки. Хорошо, когда у тебя есть такой старший брат.

Они даже сочинили сказку «Божья коровка, синяя, как небо». На самом деле это был крохотный вездеход с планеты Копейка, случайно залетевший на Землю. Экипаж «Коровки» удивлялся земным обычаям и чуть не вляпался в большую беду, но им помогли двое первоклассников – девочка Мика и ее влюбленный друг, по прозвищу Пушкин.

Сказку напечатали на ноутбуке, который мама принесла

Миру (попросила у подруги). Потом без большого смущения прочитали соседу по палате, пожилому Виктору Ильичу. Виктор Ильич преподавал литературу в педагогическом колледже, месяц назад спешил на занятия, поскользнулся на тротуаре, заработал двойной перелом ноги и оказался здесь. Был еще сосед, слесарь дядя Женя, но он целыми днями пропадал в палатах у приятелей, а Виктор Ильич – всегда тут как тут. К сочинению братьев Роциных он отнесся со вниманием. Одобрил:

– Вы, друзья, прямо братья Стругацкие. Слышали про таких?

Братья слышали, и Матвей согласился:

– Ага...

Он тут же получил от Миры хлопок по темени – за нескромность, – повалил его носом в подушку и начал крутить уши. На шум появилась дежурная сестра Агнесса Игоревна.

– Это что такое! Кто-то сейчас немедленно отправится домой! А на тебя, Мирослав, я пожалуюсь Владимиру Марковичу.

Мирослав только хихикнул. Владимир Маркович был добрейшим существом. Кстати, это именно он дал Миру книжку капитана Лухманова «20 000 миль под парусами».

– Ты юноша романтического склада, думаю, тебе будет интересно... Смотри, год издания тридцать шестой, прошлый век. Тогда еще моего папы на свете не было. Только в та-

ких учреждениях, как наша ветхая лечебница, и могут сохраняться подобные раритеты...

Оказалось, что «раритет» отыскался в больничной библиотечке, которая находилась под присмотром сестры-хозяйки Людмилы Федоровны.

Да, книжка пришлась кстати! Особенно в ту неделю, когда «ребенок (разумеется, Мак) допрыгался до распухания гланд» и был засажен дома, к Миру его не пускали. Если бы не плавание барка «Товарищ» через Атлантику, Мир извелся бы от скуки.

А так он ничуть не извелся! Он окунулся в «соленые океанские ветры» и в изучение морских премудростей: в конце книжки оказался корабельный чертеж и объяснения. Правда, не все термины были понятны, однако в наше компьютерное время какие могут быть трудности! Ноутбук был подключен к Интернету, и Мир неоднократно нырял в Сеть, чтобы узнать про такелаж, рангоут и заодно про самого капитана Лухманова. В первый раз он узнал не так уж много. Но все же выяснил, что Митя Лухманов начал плавать на парусниках с детских лет, хлебнул всяких приключений и штормов, что капитаном «Товарища» стал уже после шестидесяти лет. И еще – что в ту пору был у него сын-мальчишка Волик. Самый младший и самый любимый. В учебном плавании «Товарища» через Атлантику он был с отцом.

«Повезло пацану», – подумал Мир.

Он тогда не очень увлекался парусами и плаваниями.

Иногда с любопытством читал о кругосветных путешествиях и дальних островах, но все-таки нынешние телескопы на орбитах интересовали его гораздо больше. Однако здесь, в больнице, ему почудилось, будто незнакомый сын капитана помахал ему загорелой рукой. Из давнего времени. С желтой палубы, которая пахла теплыми от солнца досками. Мир тогда так и подумал: «Запах солнечной палубы». А мальчику Волику помахал в ответ. Мысленно, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.